

**ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ**

**ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ**

В.А. ЧИРИКБА

**ВЛАДИСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ
АРДЗИНБА – УЧЕНЫЙ**

**Посвящается 80-летию
Первого Президента Республики Абхазия
В. Г. Ардзинба**

**СУХУМ
2025**

УДК 93/94
ББК 63.3(5А6х)6-8
Ч 65

Г/Р 978-5-166-78-06025

Издано Благотворительным Фондом Первого Президента РА

В.А. Чирикба. Владислав Григорьевич Ардзинба — ученый. — Сухум: диГрафик, 2025. — 76 с. 27 илл.

Сборник «Владислав Григорьевич Ардзинба — ученый» включает в себя статьи, освещающие вклад Владислава Григорьевича Ардзинба в востоковедную науку и специально в изучение загадочного хаттского языка, а также полную библиографию научных работ выдающегося абхазского ученого и государственного деятеля.

Фото на обложке: Владислав Ардзинба
на пресс-конференции в офисе Организации Непредставленных
Наций и Народов (UNPO) в Гааге (Нидерланды). 1995 г.

Фото В. Чирикба

СЛОВО О ВЛАДИСЛАВЕ АРДЗИНБА

Владислава Ардзинба по праву можно назвать архитектором новой Абхазии, так как он руководил созданием ее правового и юридического фундамента, а также конкретных форм абхазской государственности. По его инициативе были вновь созданы целые министерства и ведомства, являющиеся неотъемлемыми признаками независимого государства — министерство обороны, министерство иностранных дел, Академия наук Абхазии, другие новые для Абхазии государственные учреждения.

Не менее важно то, что под его непосредственным руководством были сформированы и кодифицированы идеологические основы суверенной абхазской нации. Это включало концепцию независимой Абхазии как государственного и культурного проекта, нацеленного на сохранение абхазского этноса, ценностей абхазской культуры, акценте на «Апсуара» как морально-этического кодекса абхазской нации и важности абхазского языка как официального языка государства. Самое главное, на мой взгляд, было то, что Ардзинба искренне верил в возможность независимого абхазского государства, так же как он верил в политическую зрелость своего народа. Эта вера основывалась на многовековой истории государственности нашей страны, которую, как историк, Владислав Григорьевич прекрасно знал.

Одним из важных факторов успеха проекта независимой Абхазии был тот факт, что ее государственность основывалась на долгой и прочной исторической традиции на протяжении более чем тысячелетия. В средние века это было царство, которое играло важную роль в политике Кавказа. После монгольского нашествия в XIII веке Абхазия стала княжеством, которое просуществовало как таковое до середины XIX века, когда ее автономия была отменена в 1864 году царской Россией. После русской революции 1917 года Абхазия сначала была союзной республикой в составе СССР, на равных правах с Грузией, а с 1931 года ее статус по воле Сталина был снижен до автономной республики в составе Грузии. После победы над грузинскими войсками в Отечественной войне 1992–1993 годов, Абхазия вос-

становила свою независимую государственность. Дипломатическое признание Российской Федерацией в 2008 году Абхазского государства подчеркнуло его статус как субъекта международного права.

Родившийся 14 мая 1945 года в селе Яшыра в семье директора сельской школы, ветерана Отечественной войны Григория Киаминовича Ардзинба, Владислав был истинным сыном своей земли. С детства он питал живой интерес к драматической истории своего народа. И вовсе не случайно, что он решил стать историком. После окончания Сухумского педагогического института Ардзинба, по совету своего учителя, крупнейшего абхазского этнолога профессора Шалвы Денисовича Инал-ипа, выбрал своей профессией хеттологию — редчайшую специальность даже среди исторических наук. Цивилизация и культура хеттов, древнего индоевропейского народа, создавшего на территории Малой Азии могущественное Хеттское царство в конце III тысячелетия до н.э., стала его занятием на долгие годы.

В Москве научным руководителем Владислава был выдающийся русский филолог Вячеслав Всеволодович Иванов. Докторская диссертация Ардзинбы была основана на его фундаментальной монографии «Ритуалы и мифы Древней Анатолии», которая была опубликована в Москве в 1982 году и которая сразу же выдвинула его в разряд ведущих востоковедов мира. Кроме того, он написал десятки статей, рецензий на книги и редактировал ряд важных публикаций по древней истории.

Научный мир знает Владислава Ардзинба как ведущего хеттолога и как специалиста в области хаттского языка. Что же послужило причиной его выбора этой специализации? Если говорить об источниках интереса Владислава Ардзинба к хаттскому языку и в целом к хеттской тематике, то определяющую роль сыграл его учитель — Шалва Денисович Инал-ипа. Однако у Владислава была, несомненно, и личная мотивация для занятия хеттологией, историей забытого народа и цивилизации, существовавшей несколько тысячелетий назад. Может быть, он каким-то образом надеялся, что изучение истории и языков таинственной страны Хатти поможет ему найти подсказки к раскрытию предыстории его собственного народа, абхазов?

Хетты были доминирующим, но не единственным древним народом, известным нам на территории современной центральной и северной Турции. Клинописные документы оставили свидетельства и о других народах, живших рядом с хеттами. Среди них был и народ хатти, которого считают коренным населением страны. Пришедшие позже с севера индоевропейцы-хетты основали важные элементы своей собственной цивилизации, мифологии и ритуальной практики на культурной традиции хаттов. Что еще более интересно, первые ученые, ознакомившиеся с хаттским языком, записанным хеттскими писцами клинописью на глиняных табличках, заметили удивительные сходства в грамматической структуре и даже в лексике между хаттским и западнокавказскими языками — абхазским, адыгским и убыхским. Сам Ардзинба опубликовал ряд исследований, которые внесли неоценимый вклад в обоснование этой теории. И эта вероятная связь действительно помогает пролить дополнительный свет на предысторию абхазского и родственного ему народов.

Владиславу повезло с учителями — Шалва Инал-ипа, Георгий Дзидзария, Вячеслав Иванов — это были ведущие специалисты в своей области, мировые авторитеты, и занятия под их руководством было отличной школой для молодого ученого-историка. По окончании аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации Владислава Ардзинба пригласили работать в Институте востоковедения Академии наук СССР.

Владислав Ардзинба был высокообразованным человеком, открытым новым идеям. Помимо абхазского и русского, он знал английский и немецкий языки, мог читать по-французски и по-итальянски. Он мастерски овладел вымершим языком хеттов и являлся одним из немногих мировых экспертов по хаттскому языку. Он много занимался хеттской мифологией и ритуалами, а также юридической системой и внешней политикой хеттского царства.

Я с теплотой вспоминаю бесчисленные беседы с Владиславом Григорьевичем во время частых визитов в его уютную московскую квартиру. Я проводил часы в его личной научной библиотеке, в которой была масса редких книг по филологии, истории, антропологии, искусству. Мы обсуждали множество захватывающих этнологических и лингвистических тем, связанных с Кавказом и с древним Ближним

Востоком, включая происхождение, миграции и взаимодействие древних народов. К нашим дискуссиям нередко присоединялась его супруга, Светлана, с которой нас связывают родственные узы.

Тогда я был аспирантом Института языкознания, и эти яркие дискуссии и обмен мнениями и идеями обогатили мой научный путь и дали мне лучшее представление о многих аспектах интересующих меня тем. Владислав познакомил меня с крупнейшими московскими лингвистами Вячеславом Ивановым, Сергеем Старостиным, Сергеем Николаевым, с другими своими коллегами и друзьями. Он часто делился со мной результатами своих дешифровок и чтений хеттских текстов и анализа их культуры, законов и ритуалов. Конечно, мы обсуждали не только прошлое, но и настоящее. И конечно же, лейтмотивом всех наших дискуссий была судьба Абхазии.

Владислав Григорьевич Ардзинба является ученым-востоковедом мирового уровня, историком, филологом, культурологом, чьи труды прекрасно известны в научных кругах мира. Его монументальный труд «Ритуалы и мифы древней Анатолии» стал настольной книгой для поколений востоковедов. Имеется и ее перевод на турецкий язык. Большой вклад Владислав Григорьевич внес в исследование культуры и языка не только индоевропейцев-хеттов, но и хаттов — древнейшего известного нам населения Малой Азии. В частности, чрезвычайно важны работы Ардзинба в области сравнительного изучения хаттского и западнокавказских языков. Наряду с работами его старших коллег Вячеслава Иванова и Ирины Дунаевской, они стали основополагающими в области доказательства родственных связей языка хаттов с языками абхазо-адыгов.

Ардзинба свободно читал хеттскую клинопись, он переводил и вводил в науку много новых данных по хеттским ритуалам, законам, дипломатии и другим аспектам жизни хеттской цивилизации. В этом была его сильная сторона — ведь он опирался на первоисточники, и сам много с ними работал. Он бывал на международных симпозиумах и конференциях в Венгрии, Турции, Нидерландах, Великобритании, Германии, у него был широкий круг общения с крупнейшими мировыми специалистами в области Древнего Востока.

Ардзинба был талантлив во всем, к чему бы не прикасалась его рука, и о чем бы не задумывался его недюжинный ум. Он не был ка-

рьерным дипломатом, профессиональным военным или политиком, хотя стал и политиком, и дипломатом, и военачальником. Однако прежде всего он был ученым. Во время моего общения с ним уже после того, как он стал президентом Абхазии было ясно, что его по-прежнему интересовали последние исследования в науке, в хеттологии, хаттологии, кавказоведении.

Летом 1981 года Владислав пригласил меня принять участие в археологических раскопках в Кистрике близ Гудауты, которые возглавлял замечательный археолог Вадим Викторович Бжания. Но еще более захватывающим археологическим местом в следующем, 1982 году, было горное село Хуап, где мы с Владиславом Григорьевичем под руководством ведущего археолога Игоря Цвинария принимали участие в раскопках монументальных мегалитических гробниц, известных как дольмены.

Тот ранний период можно назвать «временем счастливых находок», используя название одного из рассказов Фазиля Искандера. Мы выкапывали древние артефакты бронзового века, изящные кремневые наконечники стрел, ожерелья и другие предметы. Однажды, после раскопки своего дольмена, идя вслед за другими на обед, я случайно бросил взгляд на отвал — кучу выкопанной из-под дольмена земли, и заметил камень необычной формы. Я поднял его. Это оказалась фигурка древней богини из известняка, которую мы тут же окрестили «Хуапской Венерой». Судьба этой уникальной фигурки печальна. Она погибла в развалинах Абхазского института языка, литературы и истории, директором которого впоследствии стал Владислав Ардзинба, после того как осенью 1992 года здание было преднамеренно сожжено оккупационной грузинской армией. Вместе с фигуркой сгорели дотла все уникальные научные коллекции и бесценная библиотека. В тот же день оккупанты подожгли и Национальный архив Абхазии. Так древняя богиня-мать, которая невредимой пролежала в земле более четырех тысячелетий, не пережила злонамеренной деятельности современных вандалов... Сохранился лишь ее гипсовый слепок, сделанный скульптором Геной Лакоба, который сейчас выставлен в Национальном музее в Сухуме.

Трагически, некоторые из археологов, с которыми мы познакомились во время этих экспедиций и которые стали нашими близки-

ми друзьями — Мушни Хварцкия, Лаша Когония, а также наш гостеприимный хозяин в Хуапе, народный философ Мирод Гуажба — погибли в войне 1992–1993 годов, уйдя как герои и став настоящими легендами сопротивления.

В Хуапе, после завершения дневных заданий на археологическом объекте мы с Владиславом, вооружившись магнитофоном и блокнотами, посещали знатоков абхазского фольклора и записывали с их слов интереснейшие сведения. Особенно нас поразила великолепная сказительница Мащика Арстаа, которая знала прекрасные народные песни-плачи по погибшим героям, а также множество сказок и легенд, включая монументальные нартские сказания и сказание о богборце Абрскиле. Это было незабываемое и очень молодое время, поистине время находок и встреч с интереснейшими людьми. Впоследствии Владислав Григорьевич нередко вспоминал наши тогдашние походы и приключения. Ардзинба в тот период особенно интересовался элементами шаманских практик среди абхазских прорицателей, и во время экспедиции собрал бесценный материал по этой и многим другим темам. Позднее часть этих материалов он использовал в своих уже ставших классическими работах по абхазской мифологии, особенно по культу железа у абхазов, и по нартскому эпосу. Помимо глубины исследования проблем, они замечательны тем, что автор успешно помещал абхазский и кавказский материал в более широкий контекст традиционных культур и мифологий мира, что делает его выводы более весомыми и аргументированными.

К концу 1980-х годов в великом многонациональном государстве к власти пришел новый энергичный лидер Михаил Горбачев. Однако его политика перестройки и гласности неумолимо вела страну, основанную на утопической идеологии коммунизма, к краху. Почувствовав приближение трудных для Абхазии времен, Ардзинба покинул Москву, где он жил и плодотворно работал много лет, и вернулся домой.

Вскоре он был избран директором Абхазского института языка, литературы и истории и сразу же энергично принялся за работу. В частности, он создал группу из ведущих абхазских ученых для написания нового учебного пособия «История Абхазия», свободного от прежних советских идеологических штампов и клише. Эта важ-

ная книга вышла в 1993 году в Гудауте. Мне выпала большая честь в соавторстве с Владиславом Григорьевичем участвовать в написании главы, посвященной происхождению абхазского народа. В продолжение этой работы, мы решили написать совместную монографию, посвященную проблемам этногенеза абхазов. У меня до сих пор сохранился листок бумаги с набросанным его рукой планом книги со списком предполагаемых разделов (см. копию в этой книге).

В архиве Владислава Григорьевича также сохранилась его небольшая рукопись, озаглавленная «История Абхазии», состоящая из 9 листов. По всей видимости, она также относилась ко времени его работы в качестве директора АБИГИ, и представляла собой предварительный набросок будущей книги. Ее структура была расписана следующим образом: «Введение (цель и задачи работы). Источники и историография. Абхазский язык как основной источник информации о древнейшей истории и культуре абхазского этноса; а) генетические связи абхазского языка (праабхазо-адыгский, убыхский, прасеверокавказский); б) внешние связи абхазского языка и родственных; в) прародина и миграции. Материальная, духовная культура абхазов по данным археологии. Традиционная культура абхазов: ее истоки. Абхазский этнос в свете ранних письменных источников.» Пока неясно, планировал ли он отдельную монографию, посвященную различным аспектам абхазского этногенеза, либо начинал работать над упомянутой выше нашей планируемой совместной работой, посвященной этногенезу абхазов.

Однако этим и многим другим научным планам Владислава Григорьевича, к сожалению, не суждено было осуществиться. Очень быстро обстоятельства заставили кабинетного ученого, специалиста по древней истории и директора научно-исследовательского института переквалифицироваться в ведущего абхазского политика. Он был избран депутатом от Абхазии в новом советском парламенте, а вскоре и Председателем Верховного Совета Абхазии.

В союзном парламенте вместе с группой единомышленников Ардзинба организовал и возглавил внушительную группу представителей советских автономных республик, стремящихся повысить свои политические права. Переговоры о реформировании Советского Союза под председательством Михаила Горбачева стали из-

вестны как Новоогаревский процесс. Этапным стало знаменитое выступление Владислава Ардзинба на Первом Съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 года, где он выступил с докладом, в котором подверг сокрушительной критике политику Грузии в отношении Абхазии.

Как-то накануне его выступления я зашел к нему в номер гостиницы «Москва», где Владислав проживал как депутат. Помню, там находились Руслан Аршба, поэт из Адыгеи Исхак Машбаш, какие-то другие люди, потом подошел Тарас Шамба. Все они были депутатами советского парламента. Владислав попросил меня просмотреть текст его планируемого выступления. Я внимательно ознакомился с текстом, который нашел великолепным по стилю и по емкости затрагиваемых тем. Я предложил заменить лишь одно слово, что он тут же принял. Судьба доклада была нелегкой — Владиславу никак не давали слова, что, по-видимому, было вызвано опасением возможной негативной реакции со стороны Грузии. И лишь после того, как он пригрозил в знак протеста сложить с себя депутатские полномочия, его имя пришлось внести в список выступающих.

В 1990 году мы с Владиславом приняли участие в конференции Европейского общества кавказоведов, проходившей в Лондоне, организованной известными британскими кавказоведами Джорджем Хьюиттом и Доналдом Рэйфилдом. Впервые такую крупную международную конференцию посетила внушительная делегация абхазских лингвистов. Обошлось не без приключений — Академия наук Грузии не оформила визы абхазским участникам, хотя послала в Лондон большую группу грузинских ученых. Чтобы спасти положение, Владиславу, как члену Верховного Совета СССР, удалось в последний момент срочно оформить им визы в Москве. В Лондоне Владислав прочитал очень интересный доклад об абхазской мифологии, ссылаясь, в частности, на свои данные, добытые от информантов в Хуапе. Когда он поднялся на трибуну для доклада, почти все из сидевших в зале грузинских ученых демонстративно вышли. Ведь это было уже после выступления Ардзинба на Съезде народных депутатов в 1989 году, и отношение к нему в Грузии было вполне определенным. Однако вышли не все грузины — Гурам Топурия, известный специалист в области дагестанских языков, остался сидеть, и внимательно выслушал доклад Владислава.

Тем временем ситуация в великой евразийской сверхдержаве развивалась по катастрофическому сценарию. Военный путч в Москве в августе 1991 года помешал подписанию нового Союзного договора и разрушил все планы по реформированию советского государства. В декабре 1991 года благодаря усилиям стремившегося к власти Ельцина, действовавшего в сговоре с главами Украины и Белоруссии, Советский Союз прекратил свое существование.

В результате этого внезапного распада мегадержавы, частью которой была маленькая Абхазия, против своей воли и без какой-либо формы народного волеизъявления Абхазия оказалась один на один с получившей независимость Грузией, которой правил ультранационалистический президент Звиад Гамсахурдия, провозгласивший и проводивший политику «Грузия для грузин». Вскоре Гамсахурдия был свергнут в результате военного переворота, организованного частными армиями под командованием Тенгиза Китовани и Джабы Иоселиани. Именно эти могущественные криминальные авторитеты пригласили Эдуарда Шеварднадзе, «белого лиса», как его окрестили сами грузины, вновь возглавить страну.

Шеварднадзе, который, прежде чем стать «демократическим» министром иностранных дел СССР, в течение многих лет брежневского «застоя» железной рукой правил Грузией. Теперь же он вернулся в страну, в которой бушевала гражданская война, главным образом в Мегрелии, откуда был родом Гамсахурдия. Ситуация казалась отчаянной — страна была разделена между враждующими приверженцами свергнутого президента Гамсахурдия и сторонниками Китовани и Иоселиани, которые передали Шеварднадзе номинальную власть в его бывшей вотчине. После некоторых первоначальных колебаний Шеварднадзе принял фатальное решение: объединить разрозненных грузин, увязших в братоубийственной войне, вокруг общего врага, роль которого он отвел абхазам. Шеварднадзе рассчитывал, что спасти Грузию от окончательного хаоса и распада могла помочь лишь маленькая победоносная война.

Всего через месяц после принятия Грузии в ООН, Шеварднадзе начал военную кампанию против мирной Абхазии. Однако вместо задумываемого блицкрига война продлилась 13 долгих месяцев, в течение которых абхазский народ, как и все народы Абхазии, пре-

терпели невообразимые лишения и страдания. Помимо больших человеческих жертв, были разрушены либо разграблены заводы, фабрики, офисы, архивы, музеи и другие учреждения.

Как истинный национальный лидер, Владислав Ардзинба твердой рукой провел свой народ через месяцы войны. В особенно трудный период он посетил главную традиционную святыню Абхазии — Дыдрыпщ-ныха, где молил высшие силы о помощи. Духовная связь между прошлым и настоящим, ясная цель в отстаивании правого дела — защиты своих домов и семей, национальной идентичности и будущего страны — придали лидеру Абхазии и ее народу моральную силу и выдержку с тем, чтобы выйти победителями в этой неравной схватке Давида и Голиафа.

От одного военного успеха к другому, начиная с сенсационной победы в Гагре до триумфального возвращения в столицу Абхазии Сухум, абхазская армия, поддерживаемая добровольцами с Северного Кавказа и Юга России, осенью 1993 года заставила грузинские войска панически бежать через границу обратно в Грузию.

Владислав Ардзинба сумел направить коллективную волю народа на создание новой геополитической реальности — независимой Республики Абхазия, свободной от иностранной оккупации. В этой борьбе его поддерживали не только этнические абхазы, его призыв был гораздо шире, чем рамки одного этноса или религии. Своей убежденностью в победу, своей сильнейшей харизмой он смог вовлечь в этот процесс коллективного государственного строительства также армян, русских, греков, даже часть грузин, всех тех, кто считал Абхазию своей Родиной.

С момента назначения меня Владиславом Ардзинбой Полномочным представителем в странах Западной Европы, а затем и Чрезвычайным и Полномочным Послом, мы находились с ним в постоянном личном контакте. Запомнились пребывания Владислава Григорьевича в Женеве в 1994 году, где у него были встречи с политическим руководством ООН, а также в Гааге в 1995 году, где он возглавлял делегацию Абхазии на международной конференции во Дворце Мира, где присутствовали также президент Татарстана Минтимер Шаймиев и ряд бывших российских министров, ответственных за национальную политику, а также другие политики и эксперты в области международных отношений. Тогда же Ардзинба

посетил головной офис Организации Непредставленных Народов и Наций (ОННН), где для него организовали большую пресс-конференцию для журналистов. После этого он нанес визит в Абхазский культурный Центр в Роттердаме, где состоялась теплая встреча с представителями абхазской диаспоры.

Владислав нередко звонил мне по поводу каких-либо поручений или внешнеполитических мероприятий. Помню, как он, ликующий, позвонил после победоносной Гагрской операции, а также после не менее впечатляющей победы абхазских вооруженных сил над вторгшимися грузинскими вооруженными формированиями в Галский район в мае 1998 году. Как представитель Абхазии, я совершал регулярные визиты в посольства крупных стран и информировал их об абхазской позиции на политических переговорах с Грузией. Отчеты о своих визитах я направлял Владиславу, а наиболее важные вещи сообщал ему по телефону.

Владислав Ардзинба практически создал новую геополитическую реальность и новый субъект международного права — Республику Абхазия. И теперь, после военной победы в 1993 году, после признания Абхазии Россией, что явилось крупнейшим внешнеполитическим достижением страны, можно сказать, что мечта Владислава о независимой Аpsны осуществилась. Не будь его у руля нашего государства в то тяжелейшее время, не будь рядом с ним верных и надежных соратников, видных политиков и представителей интеллигенции, воинов и патриотов страны, представителей братских народов Северного Кавказа, вполне возможно, что результат мог быть иным.

Несомненно, было что-то в его глубоком знании истории, в его убежденности в своей правоте, что помогло ему провести свой народ через все бедствия и испытания, последовавшие за распадом СССР — резкий экономический упадок, жестокую войну с Грузией, тяжелейшие годы блокады. Абхазия вышла из всех этих испытаний как свободное, независимое, а ныне признанное государство. Огромный вклад в эту поразительную победу, достигнутую абхазским народом, внес один человек — Владислав Григорьевич Ардзинба — крупный ученый, выдающийся государственный деятель, талантливый дипломат и полководец, истинный лидер своего народа.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЛАДИСЛАВА ГРИГОРЬЕВИЧА АРДЗИНБА

Владислав Григорьевич Ардзинба по праву считается крупнейшим абхазским политиком и основателем современного абхазского государства. Именно его деятельность как общепризнанного лидера Абхазии оказала формирующее влияние на новую абхазскую нацию.

Однако не следует забывать и того, что до своей политической карьеры Владислав Григорьевич был известен в научных кругах прежде всего как учёный-востоковед, мировой авторитет в области истории, культуры и религии древних хеттов, основателей одной из самых значительных ранних мировых цивилизаций, которая оказала влияние на последующие цивилизации и культуры Древнего Востока и Южной Европы. Кроме того, Ардзинба являлся редким специалистом в области языка и культуры хаттов, древнего малоазиатского народа, оказавшего, в свою очередь, большое влияние на цивилизацию индоевропейцев-хеттов. И наконец, Владислав Григорьевич был кавказоведом, автором ряда незаурядных работ в области кавказского фольклора и традиционной религии.

Владислав Григорьевич Ардзинба родился 14 мая 1945 года в селе Нижняя Эшера Сухумского района в семье ветерана Великой Отечественной войны, педагога-историка Григория Киаминовича Ардзинба и Надежды Шабановны Язычба. Он получил историческое образование в стенах Сухумского государственного педагогического института (1962–1966 гг.). Можно определённо сказать, что с учителями Владиславу Григорьевичу повезло. В стенах СГПИ читали лекции такие крупнейшие историки-абхазоведы, как Зураб Вианорович Анчабадзе, Георгий Алексеевич Дзидзария, Шалва Денисович Инал-ипа. Определяющую роль в выборе специализации молодого Владислава сыграл профессор Инал-ипа. Владислав Григорьевич рассказывал мне, как однажды Шалва Денисович развернул перед ним карту Древнего мира и сказал: «Вот здесь было Хеттское цар-

ство. Я бы хотел, чтобы ты занялся хеттами». Именно через изучение хеттского языка и хеттской цивилизации можно было проникнуть в тайну хаттов, древних предшественников хеттов, язык которых, как полагают некоторые учёные, генетически связан с языками Северо-Западного Кавказа. Совет учителя оказался решающим при выборе специализации молодого историка.

По окончании Сухумского пединститута в 1966 г. молодой абхазский историк поступает в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Его научным руководителем стал известный филолог и культуролог Вячеслав Всеволодович Иванов, автор многочисленных работ в области хеттского языка и культуры и, в частности, автор грамматики хеттского языка. Энциклопедист и полиглот, учёный широчайшей эрудиции, сын известного писателя Всеволода Иванова, друг Бориса Пастернака и Андрея Сахарова — о таком учителе можно было только мечтать. Но Владислав оказался вполне достоин своего наставника, с которым его связали искренняя дружба и тесные коллегиальные отношения. Стоит отметить, что в 1992 году, откликаясь публикацией в российской прессе на начало трагической грузино-абхазской войны, Вяч.Вс.Иванов назвал Ардзинба своим любимым учеником.

Научная судьба благоволила Владиславу Григорьевичу. С окончания аспирантуры в 1969 году и до своего возвращения в Абхазию он работал в крупнейшем российском научном центре — Институте востоковедения АН СССР.

Он был научным сотрудником сектора идеологии и культуры Древнего Востока, а с 1987 по 1988 год и его заведующим. Ему довелось работать и тесно общаться с такими крупнейшими российскими учёными-востоковедами, как М.А. Коростовцев, И.М. Дьяконов, Б.Б. Пиотровский, М.А. Дандамаев, Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, В.А. Лившиц, и многими другими. Это, несомненно, способствовало развитию Ардзинба-учёного, расширяло его кругозор, оттачивало его профессиональные качества востоковеда широкого профиля.

Помимо основательного изучения хеттского языка, а также знакомства с другими древними языками — хаттским, аккадским и шумерским, Владислав уже в аспирантуре осваивает английский язык,

немецкий же он хорошо знал ещё по школе. Он также читал научные труды на французском и итальянском языках. Изучал он и древнегреческий язык; помню, как он поразил меня, прочитав на древнегреческом стихи Анакреона. При всём этом Владислав Григорьевич очень внимательно следил за развитием кавказоведческой науки, общался со многими кавказоведами (в частности, с М.А. Кумаховым, А.К. Шагировым, Б.Х. Бгажноковым, А.И. Абдоковым), читал всю выходящую литературу по абхазскому языку, истории, религии, а также по многим другим аспектам кавказоведения.

Одной из самых ранних работ Ардзинба, написанной ещё в студенчестве, является обширный исторический очерк, посвящённый родному селу, — «Из прошлого и настоящего села Эшера», который тогда остался неопубликованным. Кстати, до сегодняшнего времени эта статья, сохранившаяся в личном архиве семьи Ш.Д. Инал-ипа, является единственным монографическим очерком, посвящённым этому самому крупному по территории абхазскому селу¹. Первой же его хеттологической публикацией стала вышедшая в тезисах статья 1969 г. «О происхождении некоторых элементов хеттской социальной структуры» (Институт востоковедения. Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Москва). За ней последовала статья «К вопросу о хеттском царе и „царице-матери“» (Сухуми, 1970). Уже эти первые работы молодого востоковеда отличает глубина анализа исследуемой темы, широта эрудиции и отличное знакомство с мировой литературой по изучаемой проблематике.

В 1971 г. под руководством Вяч. Вс. Иванова Ардзинба защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения)». Оппонентами были крупный лингвист и хеттолог Виталий Шеворошкин и известный грузинский хеттолог Григорий Гиоргадзе. Диссертация стала серьёзным историко-филологическим исследованием. Она состоит из введения, трёх глав и заключения, а также приложений и списка лите-

¹ Выражаю благодарность Мирре Константиновне Инал-ипа за предоставление в распоряжение составителей данного издания машинописи этой статьи.

ратуры. В первой главе, «Титулы и ритуальные функции хеттского царя и царицы», автор подробно анализирует целый ряд терминов, относящихся к титулатуре высшей знати хеттского общества — хеттского царя и царицы. Установлено, что титулы Табарна/Лабарна — «царь» и Тавананна — «царица» являются хаттскими по происхождению. Ардзинба подкрепляет идею о хаттском происхождении титула Табарна/Лабарна дополнительными аргументами, привлекая хеттские контексты, в которых этот термин употребляется. Кроме того, автор находит глагольный корень *tapar* «править, управлять» и в хаттском языке, что подтверждает его хаттский источник для хеттского.

Подробно рассматриваются автором ритуальные функции хеттского царя и царицы-тавананны, высказывается гипотеза о дуальной организации власти древнехеттского общества. Как показывает автор, в архаичных ритуалах и культовых праздниках хеттов обнаруживается дуалистическое противопоставление царя и царицы-тавананны, соотносящихся, соответственно, с богом Грозы и с богиней Солнца Вурусему, которые также друг другу дуалистически противопоставлены. Это доказывается, в частности, структурой святилища, посвящённого этим божествам, разделённого на два сакральных помещения.

Автор подробно освещает различные аспекты, касающиеся связи хеттского бога Грозы с функцией царя по обеспечению плодородия страны, благосостояния коллектива. Он показывает, что бог Грозы связан с царём и в его военной функции.

Среди должностных лиц хеттского «двора» важную роль играли придворные, имевшие титулы хаттского происхождения. Путём анализа сферы деятельности этих облечённых властью лиц автору представилось возможным выяснить роль хаттских элементов в структуре титулов и функций должностных лиц хеттского двора. Он производит сравнительный анализ этих хаттских элементов с функциями придворных, имеющих наименования собственно хеттского происхождения. Весь материал анализируется при сопоставлении с типологически сходными ритуалами других архаичных культур, в частности, африканских. Помимо хаттского влияния на древнехеттское общество Ардзинба останавливается и на важной роли хурритского элемента, особенно в новохеттский период.

В работе рассматривается и анализируется целый ряд хеттских социальных терминов, имеющих хаттское происхождение: **katte/i** «царь», **kattah** «царица», **wur** «страна» и др. С точки зрения изучения хаттского языка, в диссертации предложены новые для того времени интерпретации некоторых хаттских слов, их анализ и этимология. Иногда приводятся и внешние сравнения. Так, весьма интересно сопоставление хеттского и хаттского чтения идеограммы для «вина (виноградной лозы)» **GEŠTIN**(^{Giš}**GEŠTIN**)-wi с абхазским названием вина **ԳԻ**.

В приложении автор помещает транскрипции изданных ранее в автографиях хеттских текстов, даёт их русский перевод, приводит интереснейшие комментарии, включающие типологические параллели хеттским ритуалам в других архаичных традициях народов мира.

Проведённое исследование позволило автору прийти к выводу о том, что в структуре древнехеттских титулов и функций должностных лиц (традиции которой частично сохраняются и в более поздний период) прослеживается существенное влияние хаттской социальной организации. Изучение процесса складывания социальной структуры древнехеттского общества имеет важное значение для исследования общих закономерностей развития общества и государства на Древнем Востоке.

Следующей значительной работой В.Г. Ардзинба явилась монография «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (Москва: Наука, 1982), ставшая, по существу, классическим трудом в области хеттской культуры и мифологии и настоящей «настоющей книгой» для хеттологов. В этой работе, которая была защищена в 1985 г. в Тбилиси в качестве докторской диссертации, подробно описываются хеттские сезонные ритуалы, совершаемые царём, в частности многодневные сезонные праздники, сочетавшиеся с объездом территории царства. Во второй главе рассматриваются и анализируются характерные признаки структуры хеттского царского праздника, а в третьей главе рассматриваются функции царя, царицы и других участников ритуала. Автор развивает предложенную им ещё в кандидатской диссертации гипотезу об архаичной дуальной социальной организации древнехеттского общества доклассового периода, возглавлявшегося

двумя вождями-царями — мужчиной и женщиной. Позднее, в процессе развития общества и становления классовой структуры, ритуальные функции вождей и их помощников были переосмыслены и соотнесены с государственными функциями. Так чисто культовые и государственные церемонии синкретически переплетаются, формируя своеобразный характер хеттской царской власти. Ритуальные царские объезды своих земель, как пишет автор, представляют собой символический акт отделения от внешнего мира территории царства, создание вокруг него барьера от злых сил. Территория царства, таким образом, приобретала сакральный характер и воспринималась как модель Вселенной. Царь выступал в функции солнца, перемещаясь сезонно по территории царства и символизируя вращение космических тел и смену сезонов. С другой стороны, такой объезд подтверждал право собственности царя на территорию царства.

Автор убедительно раскрывает большое значение двоичных символов в структуре мифологического сознания хеттов, противопоставление ими правой — мирской и левой — сакральной функций. Оппозиции правого и левого, внешнего и внутреннего играли важную роль в хеттском ритуале.

Определённое место занимает в работе и анализ хаттского и хурритского влияния на традиции хеттского общества. Важным материалом, подробно анализируемым в монографии, является и описание хеттских законов и других юридических норм и предписаний, регулирующих социальные отношения в хеттском обществе.

Монография «Ритуалы и мифы древней Анатолии» стала самым крупным и этапным произведением В.Г. Ардзинба, посвящённым истории хеттского общества и его социальной организации. Богатство идей, учёт мнений предшественников, предлагаемые новые трактовки и, помимо всего этого, ввод в научный обиход большого количества хеттских текстов и нового хеттского материала, прочтённого автором по клинописным текстам и впервые переведённого им на русский язык — а порой это были вообще первые переводы хеттских текстов на современный язык, — делают эту книгу незаменимым источником знаний о природе и функционировании хеттского общества.

Третья крупная работа В.Г. Ардзинба под условным названием «Хеттские цари и их соседи» не только осталась в рукописи, но и не была, к сожалению, закончена, поскольку переезд в Абхазию и последовавшие драматические события не оставили учёному никаких шансов на её завершение и подготовку к печати. Публикации мешала и научная добросовестность Владислава Григорьевича — он считал, что в конце XX века в науку были введены новые данные, без учёта которых текст книги не будет соответствовать тем высоким стандартам, которые он сам для себя установил. Такая требовательность к себе свидетельствует о высочайшем уровне внутренней культуры и профессиональной совести Ардзинба-учёного.

И, тем не менее, несмотря на опасения автора, можно без всякого преувеличения сказать, что монография «Хеттские цари и их соседи» даже в незавершённом виде обладает значительной научной ценностью. На наш взгляд, этот труд вовсе не устарел, как никогда не устаревают работы по-настоящему больших учёных — Б. Грозного, П. Услара, Н. Трубецкого.

Другие крупные работы В.Г. Ардзинба представляют собой обобщающие исследования. Это большой раздел «Хеттская культура, религия и искусство» в главе «Хеттское Царство и Эгейский Мир» коллективной монографии «История Древнего Востока», часть вторая (Москва, 1988), раздел «Цивилизации древней Малой Азии» в книге «Древние цивилизации» (Москва: Мысль, 1989, с. 118–133).

Статьи и рецензии В.Г. Ардзинба посвящены следующим темам: хаттское наследие в социальной организации хеттского общества; хеттские культы, ритуалы, сакральные празднества и мифология; хеттские законы; кавказский нартский эпос; традиционная религия и мифология абхазов.

Остановлюсь несколько подробнее на небольшой интересной работе В.Г. Ардзинба, опубликованной в 1984г., «Хурритский рассказ об охотнике Кесси» («Кавказско-ближневосточный сборник». Вып. VII. Тбилиси, с. 61–73). Фрагментированный текст рассказа был найден в царских архивах Хаттусы и являет собой перевод с хурритского на хеттский. По мнению Ардзинба, рассказ напоминает истории, характерные для шаманских ритуалов. В частности, во сне герой видит свою смерть, а себя съеденным. Автор анализирует

мотивы и сюжеты данного рассказа на фоне сопоставления с шаманской традицией якутов, малайцев и других народов. В заключении делается вывод о том, что данный рассказ об охотнике Кесси имеет несомненное сходство с посвящением человека в шаманы, необходимым элементом которого является ритуальное путешествие в другой мир. Интересны приводимые автором сравнения этого рассказа с хаттской традицией противопоставления мира людей миру богов, в соответствии с которой хаттские божества имели два имени: одно — известное среди людей, а второе — среди богов. Другая интересная параллель, приводимая автором, — сравнение рассказа о Кесси с абхазским культом охоты, божеством охоты и зверей Ажвейпцаа, а также связанный с ними особый охотничий язык, отличающийся от языков людей².

² Продолжая отмеченный В.Г. Ардзинба типологический параллелизм с абхазским охотничьим культом, хочется отметить разительное сходство хурритского рассказа о Кесси с записанным мною в 1982г. в Абхазии рассказом об охотнике Туца. После поисков дичи в горах охотник Туца заночевал в горной пещере. Во время сна его опутали маленькие человечки, говорившие на непонятном ему языке. Они потащили его из пещеры с намерением сбросить в пропасть. Охотник пытался что-то сказать, но внезапно онемел. Появившийся из-за скалы бородатый старик (скорее всего, сам бог охоты Ажвейпцаа) с посохом-алабащей что-то прокричал человечкам, после чего они оставили охотника в покое. Сходными в хурритском и абхазском рассказах об охотнике являются следующие сюжеты: неудачная охота в горах (прогневанное божество делает зверей невидимыми охотнику), сон, затем смерть или близость к смерти, демоны. Отец, который в рассказе о Кесси спускается с горы и спрашивается, почему «едят» Кесси, в абхазском рассказе сравним с появляющимся из-за скалы стариком, который что-то говорит демонам, и они Туцу отпускают. Анализируя рассказ о Кесси, в частности — сон героя, Ардзинба предполагает, что речь идёт о «смерти»/путешествии души в потусторонний мир. Так же можно интерпретировать и рассказ об охотнике Туца, о чём, помимо прочего, свидетельствует и его внезапная немота, и непонятный язык пытавшихся его погубить человечков-демонов (язык потустороннего мира; ср. специальный «охотничий» язык, употребляемый охотниками во время охоты, на что обращал внимание и В.Г. Ардзинба) и некоторые др. черты.

Занимаясь изучением хаттских истоков социальной организации хеттского общества, В.Г.Ардзинба не мог обойти важную для него тему — происхождение хаттов. Именно в этой проблематике и крылся интерес учителя Ардзинба — профессора Инал-ипа, когда он посоветовал своему талантливому ученику заняться хеттами. Ведь ещё ранний исследователь хаттского языка, Эмиль Форрер, в работах 1919 и 1921 гг. установил неиндоевропейский характер хаттского языка и предположил его связь с абхазо-адыгскими языками. Эта же идея была предложена почти в то же время Робертом Бляйхштайнером (Bleichsteiner, 1923), а затем Дьюлой Месарошем (Mészáros, 1934). Главным основанием для такой гипотезы было разительное структурное сходство между этим древним языком Малой Азии, вымершим во II тысячелетии до н.э., и языками западнокавказской группы. Эти структурные сходжения были позднее рассмотрены И.М. Дунаевской (1960), И.М.Дьяконовым (1967). В чём заключаются эти сходства? Хаттская глагольная форма содержала ряд префиксов, выражающих различные грамматические отношения (субъект, объект, ориентацию, наклонение и т.д.). Порядок этих префиксов был фиксированным, а число префиксных позиций было от 7 до 10. Схожая структура имеется и в современных абхазо-адыгских языках: от 7 до 13 фиксированных префиксных позиций. Хаттская глагольная форма могла выразить по крайней мере два грамматических лица путём соответствующей постановки личных префиксов, тогда как полиперсонализм характерен также и для западнокавказских языков.

Первая работа В.Г. Ардзинба в области сопоставления структуры хаттского и западнокавказских языков была опубликована на английском языке, в сборнике, изданном по итогам востоковедческой конференции 1974 г. в Будапеште. В расширенном виде эта чрезвычайно важная работа вышла на русском языке в 1979 г. в «Переднеазиатском сборнике». Учёный анализирует структурные сходства хаттской и западнокавказской словоформ, аранжировку иерархически расположенных префиксальных позиций.

Разительный изоморфизм в области строения глагольной словоформы, за пределами хаттского и западнокавказских языков не имеющий аналогов в Евразии, подкрепляется и другими интересными

структурными параллелями. Однако, как подчёркивал сам В.Г.Ардзинба (1983: 164), «типологическое сходство, каким бы близким оно ни было, не доказывает родства». В этой связи важным является вскрытие учёным не только структурного, но и материального параллелизма между хаттским и абхазо-адыгскими языками в области аблаутных чередований. Ардзинба предлагает анализировать хаттские глагольные формы **taħa** и **tuħ** (напр., в **an-taħan** «то он поместил вовнутрь» и в **an-tuħ** «он взял») как содержащие локальный префикс **ta-** «внутри» и **tu-** «изнутри» и корень **ħ**. Таким образом, постулируется наличие вокалических чередований **a ~ u**, **a ~ ø** (ноль звука), использовавшихся для передачи направления «туда» (**a**) и «оттуда» (**u/ø**). Это находит прямую параллель в абхазском: ср. пару **a-ta-c'a-ra** «класть внутрь» (локальный преверб **ta-** «внутри/внутри», корень **c'a** «класть») и **a-tə-c'-ra** «выходить из-под» (преверб **tə-** «наружу», корень **c'(ə)** «выходить»), демонстрирующие аналогичное аблаутное чередование **a/ə** в приставке, и **a/ø** в корне, которое имеет ярко выраженное противопоставление центростремительного (с огласовкой **a**) и центробежного (с огласовкой **ə/ø**) значений³. Следует заметить, что некоторые лингвисты считают, что хаттское **u** может быть фонетически интерпретировано как **ə** (см. Girbal 1986: 164). Аблаутные чередования, сходные с приведённым примером из абхазского, имеются и в других западнокавказских языках. Они представляют собой реликт, унаследованный от древнего общего языка-предка, что делает типологическое и материальное сопоставление вокалических чередований в хаттском и в западнокавказских языках вполне обоснованным.

Помимо этого, в статье рассматривается западнокавказский и хаттский параллелизм в функциях редупликации. Обсуждаются в работе и некоторые синтаксические параллели между хаттским и западнокавказскими языками (сходство в структуре простого предложения, позиция прилагательного по отношению к существительному и т.д.).

³ Прямой материальной аналогией хаттской глагольной паре **taħa** и **tuħ** является абх. **ta-xa-** «оставаться внутри» (локальный преверб **ta-** «внутри/внутри», корень **xa** «оставаться») и **tə-x-** «вытаскивать, вынимать наружу» (преверб **tə-** «наружу», корень **x(ə)** «вытаскивать, снимать»), см. Chirikba (1996: 419–420).

Возвращается к теме абхазо-адыгско-хаттских параллелей В.Г. Ардзинба и в своих обширных послесловиях к вышедшим под его редакцией русским переводам книг Дж.Маккуина «Хетты и их современники в Малой Азии» (М., 1983, с. 152–180) и О.Гёрни «Хетты» (М., 1987, с. 192– 222). В послесловии к первой книге автор дополняет внушительный список западнокавказско-хаттских сравнений, предложенных Вяч.Вс.Ивановым, собственными интересными находками. Это сопоставление хат. **šahi-s** «название ценной породы дерева и древесины» с празападнокавказским (ПЗК) *šx̣ə «каштан», хат. **tewa-(š)šine** «вид древесины» — ПЗК *tḫʷə «бук»; хат. **hamuruwa** «балка» — праабхазским *xʷə(m)bələ «центральная балка-мáтица в доме»⁴.

Благодаря работам И.Дунаевской, И.Дьяконова, и в особенности Вяч.Вс.Иванова мы сейчас можем с большой долей уверенности утверждать, что связь между хаттским и западнокавказскими языками вполне вероятна. Рассматриваемая небольшая статья Владислава Григорьевича, её аргументация и выводы также явились одной из важных работ как в области анализа структуры, так и выявления кавказских связей давно исчезнувшего хаттского языка. Владислав Григорьевич планировал совместную работу по изучению хаттско-западнокавказских языковых связей с другим выдающимся востоковедом и кавказоведом, нашим общим другом Сергеем Анатольевичем Старостиным (1953–2005), но планам этим, как и многим другим, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Хотелось хотя бы кратко коснуться кавказоведческих работ В.Г.Ардзинба. Две из них посвящены нартскому эпосу: «Нартский сюжет о рождении героя из камня» («Древняя Анатолия». Москва: Наука, 1985, с. 128–168) и «Приметы образа „пастуха“ абхазских нартских сказаний» («Труды Абхазского Государственного Университета», т.5, 1987, с. 131–135). Две другие статьи анализируют культ железа и кузнечного ремесла у абхазов: «К истории имени, функции

⁴ Следует отметить, что, учитывая наличие схожего слова в армянском, греческом, тюркских и некоторых других языках (в значении «балка» или «мост»), последний термин может иметь более широкий евразийский культурно-языковой контекст.

и образа общезападнокавказского бога кузнеца» («Башкапсарский полевой археологический семинар». Тезисы докладов. 1988, с. 62–64) и «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)» («Древний Восток: этнокультурные связи». Москва: Наука, 1988, с. 263–306).

В работе о нартском эпосе выделены основные сюжеты и мотивы основного ядра эпоса, связанного с рождением героя Сасрыквы. В другой чрезвычайно важной работе «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)» содержится подробный анализ культа металлов и в особенности железа у хеттов и у их предшественников и во многих отношениях их учителей — хаттов. Именно хаттов считают изобретателями металлургии железа, и именно хаттское название железа — **ḥap/walki**, по авторитетному мнению Вяч.Вс.Иванова, вошло на правах культурного заимствования во многие языки мира, в том числе и в русский язык («железо»). Выделю пунктирно самые важные, на мой взгляд, моменты этой статьи — сильное культурное влияние хаттов на хеттов, связь пра-западнокавказского названия металла, железа (***ʷl̥ʷəḷʷa** «металл-железо») с хаттским **ḥap/walki** «железо» (заимствованного в хеттский), связь названий бога кузни — **ḥapś** у адыгов, **ṣasʷə** у абхазов — с хат. **Ḥaṣm-il** «бог-кузнец» (также заимствованного в хеттский) с именем греческого бога кузни **Гефест/Фаистос** (**Ἥφαιστος**), ритуальная роль кузни у абхазов, сакральный характер железа в фольклоре и эпосе, почитание змеи и её связь с культом кузни, традиционные гадания абхазов, в том числе по звёздам, роль созвездия Плеяд в абхазской народной астрологии, кузнец как шаман и элементы шаманской практики у абхазов, ритуалы, связанные со встречей Нового Года и т.д.

Значение кавказоведческих работ В.Г.Ардзинба трудно переоценить, так как они затрагивают глубокий пласт фольклорного, в том числе эпического материала, а также, в целом, недостаточно хорошо изученный пласт кавказской и в особенности абхазской мифологии и традиционной религии. Новым для абхазской науки в исследовательском подходе Владислава Григорьевича были как сама методология исследования, так и поразительно широкий охват сравнительного материала из традиций многих архаичных культур мира.

Следует добавить, что материал для этих статей собирался автором, в частности, в 1982 г., во время летней археологической экспедиции Абхазского института в с. Хуап, где мы под руководством археолога Игоря Цвинария увлечённо раскапывали древние дольмены, а в свободное время посещали знатоков старинных обычаев и фольклора и записывали их рассказы. Владислава Григорьевича тогда особенно интересовали ритуалы и поверья, связанные с кузней, кузнецом и металлами. Другой темой, живо его тогда занимавшей, были элементы шаманской практики у абхазов, в том числе разные категории прорицателей — **ацаабы** «вопрошающий», **ацшсы** «смотрящий» (гадающий по лопатке животного), **ахалаа** «взбирающийся вверх» и др.

Во время пребывания в Хуапе мы особенно тесно общались с Миродом Гожба, удивительным народным «философом», который помогал нам в поисках информантов, хотя он и сам был прекрасным знатоком народного творчества и старинных верований. Там же в Хуапе часто бывал и молодой археолог Мушни Хварцкия, раскапывавший редкий памятник палеолита Абхазии — пещеру Мачагуа, расположенную в горах неподалёку от Хуапа. Все наши разговоры были тогда о судьбах Абхазии. Могли мы тогда догадываться, что через десять лет, в 1992–1993 гг., агрессия Грузии против Абхазии лишит наш народ многих ярчайших личностей и патриотов, включая и ставших Героями Абхазии Мирода Гожба и Мушни Хварцкия, а Слава Ардзинба, как мы его тогда называли, и дружбой с которым мы все очень гордились, этот скромный, интеллигентный, обаятельный и чрезвычайно умный молодой человек станет признанным лидером Абхазии, который приведёт народ к казавшейся тогда невероятной победе над сильным и коварным врагом.

В 1988 году Ардзинба возвращается на Родину, в Абхазию. Его избирают директором Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа⁵ (с 1994 года — Абхазский институт гума-

⁵В 1992 году здание Института, вместе с бесценными научными коллекциями (фольклорными, языковыми, археологическими, антропологическими, неопубликованными рукописями работ многих авторов и др.), а также богатейшая институтская научная библиотека были сожжены гру-

нитарных исследований имени Д.И. Гулиа), и на этом посту он проработал до 1999 года. Руководя крупнейшим в мире центром абхазоведения, с присущей ему энергией Владислав Григорьевич увлечённо включается в работу по реорганизации абхазской науки, привлечению в неё молодых специалистов. Однако начало его новой работы в Абхазии совпало с кануном распада Советского Союза. В Абхазии, как и во всей стране, политика всё более решительно отодвигала на задний план остальное, включая, к сожалению, и науку. В 1988 году Ардзинба избирается депутатом Верховного Совета Абхазии, а в 1989 году — народным депутатом СССР. В том же году он становится Председателем подкомиссии Верховного Совета СССР по государственному и правовому статусу автономных образований и членом Президиума Верховного Совета. В 1990 году Владислав Григорьевич был избран Председателем Верховного Совета Абхазии.

14 августа 1992 года наступило самое страшное, что могло произойти — война. С началом войны Грузии против Абхазии Ардзинба становится Председателем Государственного Комитета обороны, возглавив национально-освободительную борьбу народа Абхазии. Героизм народа, братская помощь народов Северного Кавказа и Юга России, полководческий и организаторский дар Владислава сумели осуществить то, что многим казалось невозможным — победу в Отечественной войне народа Абхазии, которая наступила 30 сентября 1993 года. Спустя год, 26 ноября 1994 года, Ардзинба был избран первым Президентом Республики Абхазия, а 3 октября 1999 года он избирается на второй президентский срок.

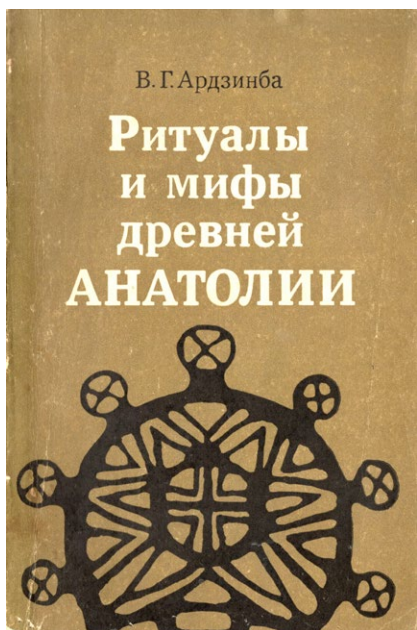
Глубоко знаменательно, что ещё при жизни Ардзинба, 26 августа 2008 года, произошло великое событие в новейшей истории Абхазии — её дипломатическое признание Российской Федерацией в качестве независимого и суверенного государства. Этот день явился в определённом смысле кульминацией вековой борьбы абхазского народа за достойное и независимое существование. Он знаменовал собою и логический итог борьбы самого Владислава за свободу своей страны. Однако за захватывающие дух политические триумфы

зинскими военными. В тот же день ими был сожжён дотла Государственный архив Абхазии.

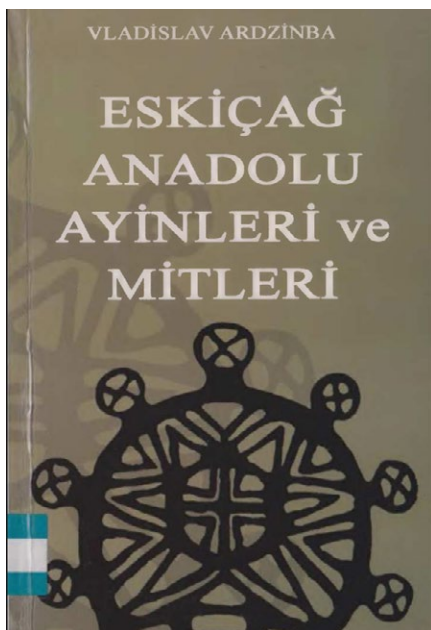
пришлось заплатить дорогой ценой. 4-го марта 2010 года, в возрасте неполных 65 лет, Владислав Григорьевич Ардзинба скончался от тяжёлой и до конца не понятой лечащими врачами болезни.

Завершая по необходимости краткий обзор творчества Владислава Григорьевича Ардзинба, задаюсь вопросом — насколько знания, полученные им в процессе изучения истории вымерших цивилизаций, каковыми были цивилизации хаттов и хеттов, подготовили его в определённой мере к карьере блестящего политика, военачальника и дипломата? Вполне очевидно, что к этим видам деятельности он никогда себя не готовил. И тем не менее, бросая ретроспективный взгляд на впечатляющие результаты, достигнутые им в этих областях, можно сделать вывод, что всё же внутренне он был к этому готов. Здесь, конечно, сыграли роль множество факторов, и не в последнюю очередь личные волевые качества Ардзинба-политика, его темперамент, его амбиции, его постоянная нацеленность на наилучший результат, на успех. По долгу своей профессиональной подготовки он хорошо знал, как создавались и как рушились могучие цивилизации. И сам он принял непосредственное участие в судьбе абхазского народа, а по сути, взвалил на свои плечи бремя ответственности за его судьбу в момент реальной угрозы его существованию. Тот, кто не был в его положении, никогда не сможет понять до конца смысла этой фразы — взять на себя ВСЮ ответственность за судьбу народа. Я не знаю, верил ли он в провидение, но совершенно очевидно, что на стыке XX и XXI веков он сыграл определяющую роль в судьбе Абхазии. Его решение в августе 1992 года, с учётом всех реальных рисков, всё же принять бой, а не соглашаться на капитулянтский мир изменило ход истории и Абхазии, и Грузии, и, несомненно, определённым образом повлияло и на судьбу всего Кавказа в целом.

Можно много рассуждать и спорить о том, насколько и в какой мере Ардзинба-востоковед помогал Ардзинба-политику и полководцу, однако сам факт такой взаимосвязи для меня лично несомненен. В доказательство своей мысли я приведу лишь один пример: Съезд народных депутатов, 1989 год, Владислав Ардзинба — глава подкомиссии по государственному и правовому статусу автономных образований, активный участник затеянного Горбачёвым Новоога-

Обложка монографии
В.Г. Ардзинба «Мифы и ритуалы
древней Анатолии»

Обложка книги В.Г. Ардзинба
«Ритуалы и мифы древней Анато-
лии», изданной в Анкаре в переводе
на турецкий язык

рёвского процесса по реформированию Советского Союза. В одном из своих выступлений Ардзинба обращается к Советскому съезду с призывом реформировать СССР на справедливых основах. Для убеждения депутатов он приводит древнехаттскую ритуальную формулу, использовавшуюся при постройке нового здания. Постройка здания — перестройка отжившего свой век государства — аналогии очевидны. Депутаты, скорее всего, приняли это изречение за какую-то кавказскую мудрость. Но это был завет из четырёхтысячелетнего прошлого. Он звучал примерно так: «Поместите в фундамент нового дома благой камень, не кладите в фундамент дома недобрый камень». Судьба СССР нам известна, что может свидетельствовать о качестве его фундамента. Напротив, есть полная уверенность в том, что в фундамент абхазского дома Владиславом Григорьевичем Ардзинба заложен благой камень, гарантирующий благополучие и процветание его Родины — Аpsны.

Литература

Ардзинба В.Г. 1969. О происхождении некоторых элементов хеттской социальной структуры. // *АН СССР, Институт востоковедения. Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников.* Москва.

— 1970. К вопросу о хеттском царе и «царице-матери». // *Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухгоспединститута.* Сухуми: Алашара, с. 86–107.

— 1974. Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages. In: *“International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder”, Budapest, 23–25. April 1974. Zusammenfassung der Vorträge (Assyriologica 1).* Budapest, S. 10–15.

— 1979. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. // *Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока.* Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 26–37.

— 1982. *Ритуалы и мифы древней Анатолии.* Москва: Наука.

— 1983. Послесловие. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. // *Дж. Г. Маккуин. Хетты и их современники в Малой Азии.* Москва: Наука, с. 152–182.

— 1984. Хурритский рассказ об охотнике Кесси. // *Кавказско-ближневосточный сборник.* Вып. VII. Тбилиси, с. 61–73.

— 1985. Нартский сюжет о рождении героя из камня. // *Древняя Анатолия.* Москва: Наука, с. 128–168.

— 1987. Хеттская дипломатия. // *Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке.* Москва, с. 90–131.

— 1987а. Послесловие. // *О.Герни. Хетты.* Москва: Наука, с. 192–222.

— 1987б. Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний. // *Труды Абхазского государственного университета,* т. 5, с. 131–135.

— 1988. Хеттская культура, религия и искусство. // *История Древнего Востока, Часть вторая*. Москва.

— 1988б. К истории имени, функции и образа общезападнокавказского бога кузнеца. // *Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкунсарского полевого археологического семинара (Сухуми–Башкунсар, 1988 г.)*. Сухуми, с. 62–64.

— 1988в. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов). // *Древний Восток: этнокультурные связи*. Москва: Наука, с. 263–306.

— 1989. Цивилизация древней Малой Азии. // *Древние цивилизации*. Москва: Мысль, с. 118–133.

Дунаевская И.М. 1960. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа. // *Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика Н.А.Орбели*. Москва–Ленинград, с. 73–77.

Дьяконов И.М. 1967. *Языки древней Передней Азии*. Москва.

Bleichsteiner R. 1923. Zum Protohattischen. In: *Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient*, Bd III, S. 102–106.

Chirikba V.A. 1996. *Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology*. Leiden: CNWS Publications.

Girbal Ch. 1986. *Beiträge zur Grammatik des Hattischen*. Frankfurt am Main, Bern, New York: Verlag Peter Lang.

Mészáros J. von. 1934. *Die Päkhy-Sprache*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisations, no. 9.

ВКЛАД В.Г. АРДЗИНБА В ИЗУЧЕНИЕ ХАТТСКОГО ЯЗЫКА

Владислав Григорьевич Ардзинба был ученым широкого профиля: историком, филологом, специалистом в области древневосточных и кавказских цивилизаций и культур, мифов, ритуалов и религий. Занимался он и вопросами правовой и политической системы хеттского общества, а также вопросами взаимоотношения Хеттского царства с соседними государствами, хеттской дипломатией. К началу 1980-х годов Владислав Григорьевич фактически возглавил школу советской хеттологии, став ее выдающимся представителем.

Однако при всей увлеченности хеттской проблематикой во многих ее аспектах, все же особое место среди научных интересов Ардзинба занимали культура и язык хаттов, этого загадочного народа древней Малой Азии, сыгравшего значительную роль в процессе формирования хеттского государства, его идеологии и культовой практики. Хатты считаются предшественниками индоевропейцев-хеттов в Малой Азии. Именно хатты создали ту идеологическую основу, на которую затем наложилась культура, язык и общественные институты, как полагают, пришлого индоевропейского народа. По мнению крупного востоковеда Г.А. Меликишвили¹, на которое ссылается Ардзинба, «Хеттское государство возникло в условиях политической гегемонии не хеттов-неситов, а именно хаттов». Да и само имя хеттов первоначально относилось к хаттам. Защищенная в 1971 году в Москве кандидатская диссертация В. Ардзинба «Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения)» была полностью посвящена изучению хаттского наследия в хеттской цивилизации в религиозном и социально-политическом аспектах.

¹Меликишвили Г.А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // Вестник древней истории. 1965. No 1. С. 3.

Следует вспомнить, что решение Владислава Григорьевича заняться хеттской проблематикой на заре своей научной карьеры главным образом и мотивировалось его изначальным интересом к раскрытию проблемы происхождения хаттов, и их возможных древних этнокультурных и языковых связей с народами Западного Кавказа — абхазами, абазинами, адыгами и убыхами. А стимулом к развитию этого интереса, как ученый сам мне рассказывал, был совет его учителя, крупнейшего абхазского этнолога профессора Шалвы Денисовича Инал-ипа. В аспирантуре эстафету учителя от профессора Инал-ипа принял новый научный руководитель Ардзинбы, крупнейший русский филолог, лингвист и культуролог, специалист, в частности, и по хеттскому языку и культуре, Вячеслав Всеволодович Иванов. Более звездного сочетания учителей, как кажется, трудно было пожелать.

Мне уже приходилось делать общий обзор о вкладе Владислава Ардзинба в хеттологию и кавказоведение². Еще предстоит более детальная работа по осмыслению его вклада и в другие аспекты востоковедной науки. Данная работа посвящена более конкретной проблематике — вкладу Ардзинба в лингвистические аспекты хаттологии.

Хаттский язык

К началу II тыс. до н.э. хатты являли собой одну из основных этнических групп в составе населения Малой Азии, наряду с хеттами, лувийцами и палайцами, говорившими на близкородственных (анатолийских) индоевропейских языках, а также с не индоевропейскими народами касками и хурритами.

Религиозно-культовая практика играла существенную роль в жизни хеттского общества. При этом многие культы и ритуалы были заимствованы хеттами от хаттов. Восприняв эти культурные

² Чирикба В.А. Научное наследие Владислава Ардзинба // В.Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва: Институт востоковедения РАН; Сухум: АБИГИ АНА, 2015.

традиции, хетты записывали и воспроизводили хаттские ритуалы на хаттском же языке, благодаря чему определенное число культовых текстов и мифов на этом языке, а также многочисленные хаттские топонимы, личные имена (включая имена богов) и культовые термины дошли до нас в хеттской клинописи на глиняных табличках. Часть текстов представляли собой хаттско-хеттские билингвы, благодаря чему и стала возможной дешифровка хаттского языка.

Большинство хаттского лингвистического материала происходит из царского архива клинописных табличек, обнаруженного на месте прежней столицы Хаттского царства — Хаттусас (ныне городок Богазкале в провинции Чорум на востоке центральной Турции). Недавно археологи обнаружили еще один большой архив на месте хеттского города Сапинува/Шапинува (хет. *Šarīnuwa*, ныне Орта-кёй, также в провинции Чорум) к северу от Хаттусы, содержащий как копии уже известных текстов, так и неизвестные прежде хаттско-хеттские билингвы. Общий корпус документов на хаттском языке, включая глоссы в хеттских текстах, насчитывает на сегодняшний день около 550 фрагментов, а выявленный хаттский словарный фонд с понятными или предполагаемыми значениями составляет около 300 единиц³.

Считается, что к тому времени, когда хетты стали записывать хаттские ритуальные тексты и мифы, язык был, по-видимому, уже на грани исчезновения, а к 1500 г. до н.э., как полагают, хаттский язык был уже мертв, по крайней мере, в центральной части Хеттского царства, хотя он еще долго сохранялся в качестве одного из культовых языков хеттских жрецов. И все же написание текстов на хаттском языке в древнехеттский период предполагает достаточное хорошее знание писцами этого языка. Это может свидетельствовать, на том этапе, и о возможном хаттско-хеттском двуязычии, и о том, что для части писцов хаттский язык мог быть родным. В более поздние времена эти тексты механически переписывались писцами, уже не знавшими хаттского языка, на что указывают содержащиеся в текстах ошибки.

³Soysal, O. *Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung* // *Handbook of Oriental Studies*, vol. 74. Brill: Leiden, Boston, 2004. P. 12, 27.

Уже первый исследователь хаттского языка, Эмиль Форрер, установил его неиндоевропейский характер, отметил преимущественное использование префиксации в именной и особенно в глагольной системе и усмотрел некоторые структурные и материальные параллели с кавказскими языками (с абхазским и грузинским) в области употребления префиксов⁴. В другой статье Э. Форрер указал на северовостокавказские языки как на имеющие, по его мнению, столь же развитую систему префиксации как в хаттском и предположил их древнее родство с этим вымершим языком⁵. Форрер считал хаттов древнейшим коренным населением Малой Азии, а также Сирии⁶.

Чешский востоковед Бедржих Грозный, которому принадлежит честь расшифровки индоевропейского хеттского языка, также, почти одновременно с Форрером, отметил необычно развитую префиксацию в хаттском, резко отличающую его и от хеттского, и от хурритского. Грозному также было ясно, что хаттский не являлся индоевропейским языком⁷.

Схожие идеи касательно кавказских связей хаттского языка были высказаны почти в то же время австрийским этнологом и лингвистом Робертом Бляйхштайнером⁸. Этот ученый, который, в отличие от Форрера, был хорошо знаком с кавказскими языками, скорректировал неточный акцент Форрера на восточнокавказские языки в качестве структурной параллели хаттскому (в отличие от хаттского, эти языки, в целом, характеризуются преобладанием не префиксации, а суффиксации), и указал на северозападнокавказские (абха-

⁴ Forrer, E. Die acht Sprachen der Boghazköy-Inschriften // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Nr. LIII, 1919. P. 1032, 1033, 1038.

⁵ Forrer, E. Ausbeute aus den Boghazköy-Inschriften // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin. 1921. No. 61, Dezember. P. 25.

⁶ Forrer, E. Die acht Sprachen der Boghazköy-Inschriften. P.1040; Forrer, E. Ausbeute aus den Boghazköy-Inschriften. P. 23.

⁷ Hrozný, B. 1920. Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes // Boghazköi-Studien, H. 5/3. Leipzig, 1920. P. 25, 26, 29-30, 31.

⁸ Bleichsteiner, R. Zum Protohattischen // Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient, Band III, 1923.

зо-адыгские) языки как представляющие более близкую типологическую параллель хаттскому (с. 103). Дополняя сближения Форрера, Бляйхштайнер (с. 102-103) указал и на другие материальные сближения между хаттскими префиксами и абхазо-адыгскими личными притяжательными префиксами. Он писал: «Следует ожидать, что при более глубоком изучении хаттского можно будет установить реальную связь упомянутых хаттских префиксов с абхазо-адыгскими префиксами»⁹. Помимо материальных сходжений в префиксах (см. ниже), Бляйхштайнер первым отметил также возможную связь хат. *wašhaw* 'боги' с адыг. *wašxwa* 'божество'.

Основной мотивацией для обращения к данным кавказских языков для решения проблемы происхождения хаттского языка были его явно неиндоевропейский характер, а также резкое структурное отличие от большинства языковых семейств Европы и Ближнего Востока. Как подчеркивал Э. Форрер, «Протохаттский с его почти бесконечным разнообразием префиксальных форм во всех частях речи тем самым принципиально отличается от индогерманских, семитских, тюркских и финно-угорских языков»¹⁰. Именно абхазо-адыгские языки Кавказа, географически близкие к Малой Азии, привлекали внимание своим разительным сходством со структурой хаттского языка.

Эти структурные параллели были позднее рассмотрены советским востоковедом Ириной Михайловной Дунаевской¹¹, которая выявила инвентарь хаттских префиксов, их семантику, а также фиксированные префиксальные позиции. В работе 1960 года исследовательница поставила вопрос об изоморфизме хаттской и западно-кавказской модели глагольной словоформы. Другой крупный вос-

⁹ Bleichsteiner, R. Zum Protohattischen. P. 103

¹⁰ Forrer, E. Ausbeute aus den Boghazköy-Inschriften. P. 25.

¹¹ Дунаевская И.М. Порядок размещения префиксов хаттского глагола // Вестник древней истории. 1959. No. 1; Дунаевская И.М. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика Н.А. Орбели. М.-Л., 1960; Дунаевская И.М. Значение префиксов хаттского глагола // Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР). Вып. 40. Языкознание. М., 1961.

токовед, Игорь Михайлович Дьяконов¹², также выявил некоторые интересные структурные схождения между хаттским и абхазо-адыгскими языками и предложил ряд соответствий между абхазо-адыгскими и хаттскими аффиксами.

Вяч. Вс. Иванов, научный руководитель Ардзинбы, в целом ряде своих работ провел масштабное сопоставление корневых и аффиксальных морфем хаттского и западнокавказских языков¹³. Хотя убедительная сила этих сравнений не всегда одинакова, главным образом из-за плохой сохранности хаттского, в целом, по мнению ряда специалистов, и в первую очередь Ардзинбы, Иванов эффективно продемонстрировал высокую степень вероятности существования такого родства.

Среди специфических трудностей, связанных с этимологическим анализом хаттского языка следует отметить, что зачастую приходится иметь дело с омонимическими формами или морфемами, при отсутствии достаточного материала для того, чтобы проследить их семантические и функциональные различия. Это еще более осложняется тем фактом, что зачастую приходится иметь дело скорее с клинописными омографами, нежели с подлинными омонимами, наличие которых объясняется неспособностью хеттской клинописной графической системы выразить все фонемные контрасты, существовавшие в хаттском. За одной хеттской графемой могут скрываться различные хаттские фонемы. Значительную проблему представляет также фрагментарность дошедшего до нас хаттского материала. Кроме того, не все хаттские тексты снабжены хеттскими переводами, что многократно усложняет анализ хаттского языкового материала.

¹² Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М.: Наука, 1967.

¹³ Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983; Иванов Вяч.Вс. 1985. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985.

Работы В. Ардзинба по хаттскому языку

Несмотря на все объективные сложности, Владиславу Ардзинбе удалось внести свой важный вклад в изучение хаттского языка. Преимуществом Ардзинбы-ученого было его отличное знание хеттских и хаттских первоисточников, которые он читал в клинописи, широкая эрудированность, знакомство со всей релевантной научной литературой по исследуемому вопросу на различных европейских языках, а также хорошее знание соседнего материала — аккадского, хурритского и шумерского. Ему были доступны многие из тех хеттских и хаттских текстов в автографиях, которые еще не были транскрибированы или переведены на европейские языки.

Следует отметить и то обстоятельство, что Ардзинба был первым ученым, кто являлся как специалистом-хеттологом, так и весьма компетентным кавказоведом, что явилось немаловажным фактором, способствующим его успешной работе над выявлением хаттско-кавказских языковых и культурных параллелей.

Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1969 году в виде тезисов, В. Ардзинба касается хеттского термина *Табарна*¹⁴. Этот термин в форме *Labarna* был впервые зафиксирован в качестве личного имени первого правителя Хеттской державы (ок. XVII в. до н.э.). Впоследствии, наподобие имени Цезаря, это имя стало титулом хеттских царей. Обсуждая этот термин, Ардзинба выдвинул гипотезу, согласно которой имя *Tabarna*, предположительно означавшее «правитель», было не личным именем, а получено первым царем Хеттского царства в качестве признания его заслуг в создании государства. В дальнейшем, как видно, в частности, из текста закона Телепи-ну, это имя прочно закрепилось за первым правителем, настоящего имени которого мы не знаем, а затем стало титулом, обозначавшим и всех последующих хеттских царей¹⁵.

¹⁴ Ардзинба В.Г. О происхождении некоторых элементов хеттской социальной структуры // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института востоковедения АН СССР М., 1969.

¹⁵ Ардзинба В.Г. К вопросу о хеттском царе и “царице-матери” // Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухумского государственного педагогического института им А.М Горького. Сухуми: Алашара, 1970. С. 87.

В своей публикации «К вопросу о хеттском царе и “царице-матери”» Ардзинба продолжает рассматривать различные аспекты, связанные с термином *Табарна*, а также с титулом царицы — *Тавананна*. Анализируя этимологию термина *Tabarna*, который, по мнению немецкого исследователя И. Фридриха¹⁶, может быть производным от хеттского глагола *tapar* ‘править’, ‘управлять’, Ардзинба отмечает наличие глагольного корня *tapar-* и в хаттском языке, что, по его мнению, может указывать на его хаттское происхождение.

Интересно, что в хеттском языке термин *Табарна* известен и в своем втором фонетическом варианте — *Лабарна*, хотя в хаттском языковом материале он встречается исключительно с начальным «Т». Исходя из перебоя *т/л* (*Табарна/Лабарна*), некоторые ученые высказали мнение, что это является попыткой передачи специфического латерального согласного в хаттском, подобного тем, что встречаются в северокавказских языках, типа адыг. *лъ*, *лІ*, аварского *тл*, *тлІ* и т.д., которые могли передаваться в иносистемных языках в виде либо дентального смычного *т*, либо латерального сонанта *л*. Хотя убедительного объяснения перебою в написании данного термина в хеттском до сих пор нет, не вызывает сомнений, что именно особое качество согласного, передаваемого в хаттском через *Т*, может объяснить вариативность начального *т-/л-* в хеттских транскрипциях данного имени и титула.

Для обоснования хаттской этимологии этого термина важен тот факт, что хатты использовали его в своей государственно-культовой практике, которая во многом была источником для соответствующих хеттских ритуалов. В этой связи Ардзинба ссылается на хаттское словосочетание *Tabarna katte* ‘Табарна-царь’¹⁷.

Термин *табарна*, помимо хеттского, имелся также в палайском языке, испытавшем наибольшее хаттское влияние. Ардзинба выдвигает гипотезу, что хаттское *tapar-* было переосмыслено хеттами с добавлением индоевропейского суффикса **-no*, встречавшегося и в других социальных терминах, обозначавших правителей, напр. *доминус*, что, в таком случае, предполагало бы обратное заимство-

¹⁶ Friedrich, J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952–1954. P. 211.

¹⁷ Ардзинба В.Г. К вопросу о хеттском царе и “царице-матери”. С. 90.

вание термина хаттами от хеттов¹⁸. Возвращается к своей гипотезе об исходной функции термина *Табарна* В. Ардзинба и в своей более поздней работе, опубликованной в качестве послесловия к известной книге Дж. Маккуина¹⁹.

Происхождение термина *Табарна* до сих пор привлекает внимание специалистов, и по этому поводу уже существует значительная литература, причем привлекаются доводы как в пользу его хаттского, так и индоевропейского происхождения. И все же большинство ученых отстаивают мнение о его хаттском происхождении.

Вторым разбираемым в статье Ардзинбы термином является *Tawananna*, которым обозначалась мать, либо жена царя. Ряд специалистов, как, например, А. Камменхубер²⁰, относят происхождение данного термина также к хаттскому языку, хотя, по мнению Дж. Маккуина, термин этот представляет собой в основе индоевропейский корень *tawan* + детское слово *anna* обозначавшее 'мать'. Некоторые исследователи этимологически связывают первую часть терминов *Табарна* и *Тавананна*²¹. Как немецкий хеттолог Х.-С. Шустер²², так и его турецкий коллега Огуз Сойсал²³ обосновывают хаттское происхождение этих терминов, хотя и вне связи с глаголом *tapar*.

Следует подчеркнуть, что независимо от проблемы происхождения царского титула *Табарна*, наличие его как во всех анатолийских языках (в хеттском, лувийском, палайском), так и в хаттском языке являет собой отличную демонстрацию значительной степени симбиоза местной малоазийской хаттской и пришлой индоевропейской культур, сложный сплав которых и вызвал к жизни одну из древне-

¹⁸ Там же. С. 92.

¹⁹ Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // Дж.Г. Маккуин. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983.

²⁰ Kammenhuber, A. *Protohattisch-Hethitisches* // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 1959, H. 14.

²¹ Soysal, O. On the Origin of the Royal Title Tabarna/Labarna // *Anatolica* XXXI. 2005. P. 189-209.

²² Schuster, H.-S. *Die Hattisch-Hethitischen Bilinguen. II. Textbearbeitungen. Teil 2 und 3.* Leiden-Boston-Köln: Brill, 2002. P. 244-247.

²³ Soysal, O. On the Origin of the Royal Title Tabarna/Labarna.

йших мировых цивилизаций и великих держав прошлого — Хеттского царства. Как отмечал В. Ардзинба в своей знаменитой монографии «Ритуалы и мифы Древней Анатолии», имеются «ритуалы, заимствованные у хаттов, а также ритуалы, в которых господствующие элементы хаттского происхождения тесно переплетаются с собственно хеттскими элементами <...>. Сочетание хаттских и хеттских элементов в рамках одного и того же ритуала <...> показывает, что такие праздники оформились в результате более ранних контактов хаттов с хеттами и до письменной фиксации в древнехеттский период они были достоянием устной традиции»²⁴. Об этом же говорит и следующий пассаж из послесловия Ардзинба к книге О. Гёрни «Хетты»: «Если учесть то обстоятельство, что в различных сферах хеттской и палайской культур обнаруживается сильное влияние культуры хатти <...>, то <...> речь должна идти о том, что взаимодействие этноса хатти, с одной стороны, и хеттов и палайцев — с другой, продолжалось в течение длительного периода: в ходу были как хаттский, так и хеттский и палайский [языки]»²⁵.

Статья В. Ардзинба «К вопросу о хеттском царе и “царице-матери”», конечно, была работой еще начинающего хеттолога. Позднее, в разговоре со мной, Владислав Григорьевич как-то отозвался о ней: «моя детская статья». Несмотря на такую скромную оценку автора, эта интересная работа уже содержит в себе все те аспекты, которые и в дальнейшем оставались предметом интереса ученого. Это вопросы, связанные с хаттским вкладом в Хеттское общество, с ранним симбиозом и взаимопроникновением хаттской и хеттской — и шире — хаттско-анатолийско-индоевропейской этнокультурных систем, интерес к синкретическому хаттско-хеттскому культу, к социальной организации хеттского общества, к его правовым канонам, а также к хаттскому языку, древнейшему из известных нам аборигенных языков Малой Азии.

Следующим значительным исследованием В. Ардзинба, напрямую посвященным сопоставлению хаттского и западнокавказских языков, явилась его известная статья «Некоторые сходные струк-

²⁴ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. С. 5.

²⁵ Ардзинба В.Г. Послесловие // О.Р. Гёрни. Хетты. М.: Наука, 1987. С. 203.

турные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков». Работа эта прошла серьезную научную апробацию. Так, ее подробно рецензировала И.М. Дунаевская, первый советский исследователь хаттского языка, которая немало сделала для изучения структурных параллелей между хаттским и западнокавказскими языками. Как отмечалось выше, именно Дунаевская впервые раскрыла как ранжированную схему построения хаттской глагольной словоформы, так и ее разительный изоморфизм аналогичной структуре адыгейского глагола. Рукопись статьи Ардзинба, посланная им до публикации на отзыв Дунаевской, пестрит ее замечаниями, зачастую критического характера.

Результаты своего важного исследования были доложены Ардзинбой на международной конференции востоковедов, состоявшейся в апреле 1974 года в Будапеште (опубликованы тезисы доклада на английском языке)²⁶. В более расширенном виде статья вышла в свет в 1979 году в 3-м томе «Переднеазиатского сборника»²⁷.

Для написания этой работы, судя по обилию ссылок, автор перелопатил значительный объем лингвистической литературы по западнокавказским языкам. Помимо этого, он пользовался устными консультациями крупнейших специалистов в области западнокавказского языкознания, профессоров М.А. Кумахова и А.К. Шагирова.

В данной статье Ардзинба аккумулировал имевшиеся на то время данные о хаттском языке. Начинает работу он с описания структурных параллелей между хаттским и западнокавказскими языками, опираясь на отмеченные предыдущими авторами, прежде всего И.М. Дунаевской, наблюдения. Возражая мнению И.М. Дьяконова и И.М. Дунаевской, которые, при обсуждении хаттско-адыгейских

²⁶ Ardzinba, V. Some Notes on the Typological Affinity between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages // International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder, (Zusammenfassung der Vorträge). Budapest, 23-25. April 1974. Zusammenfassung der Vorträge (Assyriologica 1). Budapest, 1974.

²⁷ Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979.

параллелей в области построения глагольной словоформы отмечали, что данные абхазского языка отличаются от соответствующих фактов адыгейского языка, Ардзинба убедительно показал, что и данные абхазского языка не в меньшей мере обнаруживают многочисленные параллели с хаттским языком.

Главной структурной чертой, типологически объединяющей хаттский и западнокавказские языки, является их преимущественно префиксальный характер, на фоне преимущественно суффиксальных либо суффиксально-префиксальных языков региона. Другой общей чертой является то, что как в хаттском, так и в западнокавказских языках глагольные префиксы образуют длинные цепочки, причем каждый префикс располагается в строго фиксированном порядке. И в западнокавказских языках, и в хаттском выделяется не менее 10 аффиксальных позиций. Ср., например, приводимую В. Ардзинба адыгейскую фразу *с-е-у-мы-гъэ-лъэгъу* и абхазскую *с-и-у-мы-р-ба-н*²⁸ ‘меня ему ты не показывай’. Ардзинба указал на структурный изоморфизм в построении адыгской, абхазской и хаттской глагольной словоформ, общими организационными принципами которых являются иерархический и строго фиксированный порядок расположения префиксальных морфем.

Следует подчеркнуть исключительную важность наблюдающихся структурных параллелей между западнокавказскими языками и хаттским.

Эта специальная близость еще более очевидна на фоне других современных и древних языков региона Кавказа, Малой и Передней Азии. Структурно-типологически языки этого обширного региона были либо языками с умеренно развитой префиксацией и суффиксацией — к числу их относятся картвельские, аккадский, древнеперсидский языки, либо языками с преимущественной суффиксацией — это хуррито-урартские, восточнокавказские, хеттский и эламский языки. На этом фоне отчетливо выделяется третий языковой тип, представленный языками с преимущественной префиксацией — это западнокавказские языки и хаттский. Для этого типа характерно наличие в глагольной форме цепочки префиксов, вы-

²⁸ Там же. С. 28.

ражающих субъектно-объектные отношения, аспектные значения, отрицание, пространственно-ориентационные параметры, каждый из которых занимает строго определенную позицию (слот) по отношению к глагольному корню.

Следует добавить, что к данному языковому типу тяготеет и шумерский язык, чья глагольная форма также содержит цепочку разнофункциональных префиксов, занимающих определенную позицию перед глагольным корнем.

Если преимущественно суффиксальных и префиксально-суффиксальных языков большинство, то преимущественно префиксальные языки в явном меньшинстве. Это некоторые языки Северной Америки (например, атапаскские языки), некоторые языки Мезоамерики (цутуил, чинантек) и Южной Америки (гуарани), ряд языков Африки (напр., языки банту) и островов Индийского океана (темиар, нияс). На территории же Евразии языков структуры типа западнокавказских и хаттского просто нет.

Известно, что языки, встречающиеся в удаленных друг от друга регионах мира, порой могут демонстрировать удивительные типологические сходства, не являясь родственными. И тем не менее, в случае географически близких языков, какими являются хаттский и абхазо-адыгские, такое разительное структурно-типологическое сходство может быть и не случайным, указывая либо на родство, либо на высокую степень ареального взаимодействия, включая и возможное двуязычие.

И все же, как совершенно справедливо подчеркивал сам Владислав Григорьевич, «типологическое сходство, каким бы близким оно ни было, не доказывает родства [языков]»²⁹. В этой связи важно отметить, что рассматриваемая статья ученого, помимо анализируемых структурных черт, сближающих эти языки, содержит также ряд весьма интересных материальных параллелей.

Помимо приведенных автором абхазских фактов, подтверждающих общие выводы И. Дунаевской о значительном изоморфизме хаттской и западнокавказской глагольной словоформы, интересным

²⁹ Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. С. 164.

представляется сделанное им предположение о параллелизме между хаттским и абхазо-адыгскими языками в области аблаутных чередований. Ардзинба предложил анализировать хаттскую глагольную пару *taħa* ‘помещать вовнутрь’ (напр. *a-an-taħa-n* ‘то он поместил вовнутрь’) и *tuħ* ‘брать’ (напр. *a-an-tuħ* ‘он взял’) как содержащие локальные префиксы *ta-* ‘внутрь’ и *tu-* ‘изнутри’, а также корень в виде *ħa* или *ħ*.

Таким образом, постулируется наличие вокалических чередований *a ~ u*, *a ~ ø* (ноль звука), использовавшихся для передачи направления ‘туда’ (*a*) и ‘оттуда’ (*u/ø*). Прямую параллель этому Ардзинба³⁰ усматривает в абхазском: ср. пару *a-tə-c'-ra* ‘выходить из-под’ (преверб *tə-* ‘наружу’, корень *c'(ə)* ‘выходить’), *a-ta-c'a-ra* ‘класть внутрь’ (локальный преверб *ta-* ‘внутрь/внутри’, корень *c'a* ‘класть’), демонстрирующие аблаутное чередование *a/ə* в локальном превербе, и *a/ø* в корне, которое имеет очевидно выраженное противопоставление центростремительного (с огласовкой *a*) и центробежного (с огласовкой *ə/ø*) значений.

Кстати, здесь можно отметить, что прямой материальной аналогией анализируемой Ардзинбой хаттской глагольной паре *taħa* и *tuħ* может являться абхазская пара *ta-xa-* ‘оставаться внутри’ (локальный преверб *ta-* ‘внутрь/внутри’ + корень *xa* ‘оставаться’) и *tə-x-* ‘вытаскивать, вынимать наружу’ (преверб *tə-* ‘наружу’ + корень *x(ə)* ‘вытаскивать, снимать’)³¹.

Владислав Григорьевич эксплицитно не говорит о возможности материальной связи между хаттской префиксальной парой *ta-* ‘внутри/внутрь’ и *tu-* ‘наружу’ (различие в огласовке которых он объясняет различием центростремительной и центробежной форм) и абхазской префиксальной парой *ta-* ‘внутрь’ и *tu-* ‘наружу’ (сюда же автор привлекает кабардинский — в моздокском говоре — локальный префикс *tu-* ‘внутри, внутрь’), хотя имплицитно он подводит к

³⁰ Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. С. 31.

³¹ Chirikba, V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications, 1996. P. 419-420.

этому. На мой взгляд, выявленный им в этих хаттских и западнокавказских префиксах функциональный и формальный параллелизм является одним из наиболее удачных и убедительных материальных схождений между этими языками.

Ардзинба отмечает, что аблаутные чередования, сходные с приведенным им примером из абхазского, имеются и в других западнокавказских языках и являются архаичной чертой абхазо-адыгских языков. Они представляют собой реликт, унаследованный от общего древнего языка-предка, что делает типологическое и материальное сопоставление вокалических чередований в хаттском и в западнокавказских языках весьма вероятным.

Наличие аблаута в хаттском обычно не постулируется. Как отметил В. Ардзинба³², И. Дунаевская считала указанные хаттские примеры двумя различными корнями, тогда как французский хеттолог Э. Ларош вопрос о наличии в этой паре вокалического чередования внутри одного корня оставлял открытым. Помимо данного случая возможного аблаутного чередования, в специальной литературе имеется указание и на неясное с функциональной точки зрения чередование *a ~ e* в проклитике отрицания *taš-* /*teš-*³³. Было бы, конечно, интересно проследить наличие сходных чередований и на другом хаттском материале.

Если факт аблаутных чередований, хотя и в ограниченном масштабе, в хаттском подтвердится, то этот язык можно будет добавить к выделяемому Н.С. Трубецким³⁴ «союзу средиземноморских языковых семейств», имеющих аблаутные противопоставления, а именно,

³² Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. С. 30.

³³ Касьян А.С. Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики / Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Институт языкознания РАН. М., 2015. С. 32.

³⁴ Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 333.

северокавказские (т.е. западно- и восточнокавказские), индоевропейские и семитские языки.

Помимо морфологических параллелей, в статье Ардзинбы рассматривается также западнокавказский и хаттский параллелизм в функциях редупликации. Обсуждаются в ней и некоторые синтаксические параллели между хаттским и западнокавказским языками — сходство в структуре простого предложения, относительная позиция прилагательного по отношению к существительному и т.д.

Заключая статью, автор отмечает, что, хотя приведенные в ней структурные сходжения хаттского и абхазо-адыгских языков нуждаются в дальнейшей проверке и изучении, тем не менее, некоторые из них могут свидетельствовать в пользу предполагаемого родства этих языков³⁵.

Возвращается к теме абхазо-адыгско-хаттских параллелей В.Г. Ардзинба и в своем обширном послесловии к вышедшему под его редакцией русскому переводу книги Дж. Маккуина о хеттах. В нем автор делает обзор последних для того времени достижений в области северокавказского сравнительно-исторического языкознания, связанного с именами А. Абдокова, С. Николаева и С. Старостина, касается вопроса лексических взаимоотношений между северокавказскими и индоевропейскими языками, отмечает свидетельства в пользу генетического родства хурритского и урартского языка с восточнокавказскими языками в работах И. Дьяконова и С. Старостина, а также указывает на многочисленные словарные сближения хаттского и западнокавказских языков, предложенные Вяч. Вс. Ивановым.

Завершая свой обзор, Ардзинба дополняет внушительный список западнокавказско-хаттских сравнений, предложенных Вяч.Вс. Ивановым, своими собственными интересными наблюдениям, которые включают в себя сопоставление хат. *šahi-š* 'название ценной породы дерева и древесины' с празападнокавказским (ПЗК) **š/xə* 'каштан' (абх. а-хьа, убых. шьх'ы), хат. *tewa-(š)šine* 'вид древесины' с ПЗК **tɬ^wə* 'бук' (адыг. *тфа-йы*, каб. *тх'уе-й*, абх. *а-сə* 'бук') и хат. *ḥaturuwa*

³⁵Ардзинба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. С. 37.

‘балка’ с праабхазским **x^wə(m)bələ* ‘центральная балка-мáтица в доме’^{36, 37}.

Относительно хат. *ḥamuriwa* ‘балка’ можно отметить, что, учитывая наличие схожего слова в армянском (*katuṛj* ‘мост’), греческом (*ῥέφῦρα* ‘мост’),³⁸ тюркских (турецк. *köprü* ‘мост’), монгольском (*кёжурге* ‘мост’, где *г* из **n*), тунгусо-манчжурских (нанайск. *хурфу*, чжурджен. *hufuri* ‘мост’)³⁹ и некоторых других языках (в значение ‘балка’ или ‘мост’), последний термин может иметь более широкий евразийский культурно-языковой контекст⁴⁰. И все же, как и в случае с евразийскими названиями ‘леопарда’ (откуда в конечном счете

³⁶ Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. С. 169-170.

³⁷ Абх. (бзыпский д-т) *а-х’эблары*, *а-х’эбылры*, абаз. (тапантский д-т). *хъэымблы*, ащхарск. *хъэымблы*.

³⁸ Согласно голландскому индоевропеисту Роберту Беекесу, греческая и армянская формы обязаны в качестве источника хатт. *hamuri(wa)*. См.: Beekes, R. Historical phonology of Classical Armenian // Kortlandt, Frederik. Armeniaca. Comparative Notes with an appendix on the historical phonology of Classical Armenian by Robert S.P. Beekes. Ann Arbor: Caravan Books, 2003. P. 153.

³⁹ Алтайские данные приводятся по изданию: S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden-Boston: Brill, 2004.

⁴⁰ Неясно, относятся ли к данному бродячему культурному термину также такие дагестанские формы, как аварск., гинухск. *кIамури*, андийск., цезск., багвалинск., тиндинск., чамалинск., ботлихск., хвршинск., бежтинск. *кIамур*, гунзибск. *кIамбур*, годобери *кIьамур*, карата *кIамур(и)*, ахвахск. *кIаму(ри)*, *кIамуру*, *арчи кIуммур* ‘арка’, которые Н. Николаев и С. Старостин рассматривают как исконно родственные слова (Nikolayev, S.L., Starostin, S.A. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994. С. 722), тогда как Г. Климов и М. Халилов считают их заимствованными из грузин. *katara* (> мегрел. *kaṁara*, сванск. *kaṁaraj*) ‘арка’, связываемого ими с греческ. *καμάρα* ‘арка’ (Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М.: Восточная литература, 2003. С. 105). Для допущения грузинского источника дагестанских форм требует объяснения наличие во всех этих формах огласовки у во втором слоге.

и русск. *барс*), восходящими, согласно Вяч. Вс. Иванову, к хаттско-му *ḥaprass-* ‘леопард’, евразийскими названиями ‘железа’ (откуда и русск. *железо*), восходящими, опять же, по Иванову, к хатт. *ḥap/walki*, так и в данном случае не исключено, что приведенные термины в разных языках Евразии, имеющие ярко выраженную культурную окраску, а значит, будучи легко подвержены заимствованиям, также могут иметь своим источником хаттский язык.

Еще одной интересной гипотезой, предложенной Ардзинбой, является этимологическое сближение праабхазо-адыгского названия бога-кузнеца **Лъапшъэы* (на основе адыг. *Лъэпшъы*, абх. *Шъасэы* ‘бог кузни’) с названием хаттского бога-кузнеца **Ḥaša(m)il*, заимствованного в хеттский и палайский языки в форме *Ḥašamili*. Исходя из вариантов написания данного термина, Ардзинба выводит его исходную форму в виде *Ḥašmil*. В последнем им выделяется хаттский именной словообразовательный суффикс *-il*. Хаттская основа *Ḥašm-* увязывается им с праабхазо-адыгским **Лъапшъэы*, а также, на правах заимствования из хаттского или хеттского, с именем хромоногого древнегреческого бога огня и кузнечного дела малоазийского происхождения Гефеста (греч. *Ἡφαίστος*), не имеющего индоевропейской этимологии. Здесь, по мнению автора, праабхазо-адыгский лабиализованно-палатализованный спирант **шъэ* соответствует хатт. *šm* и др-греч. *στ*.

Владислав Григорьевич рассказывал мне, что он планировал написать работу, специально посвященную замеченным им материальным параллелям между хаттским и абхазо-адыгскими языками, собирая материалы для нее в отдельную папку. К сожалению, ввиду очевидных обстоятельств, связанных с переездом в Абхазию и последующими драматическими событиями начала девяностых годов, работу эту он не смог ни продолжить, ни оформить в виде статьи или книги. Планировал Владислав Григорьевич и работу по изучению хаттско-западнокавказских языковых связей совместно с другим крупным востоковедом и кавказоведом, нашим общим другом Сергеем Анатолиевичем Старостиным, однако и этим планам, к великому сожалению, не суждено было осуществиться. Летом 1979 г. Сережа Старостин гостил у меня в Гагре, ожидая приезда из Москвы Владислава Григорьевича, для того чтобы вплотную заняться с ним

хаттским и выяснением его возможных кавказских связей. К сожалению, что-то задержало Ардзинбу в Москве, и он приехал в Гагру уже после отъезда Старостина. Больше такого случая совместной работы им не представилось, и можно только предполагать, какие интересные научные плоды дало бы сотрудничество этих двух выдающихся ученых.

Прогресс в области хаттологии всегда живо интересовал Владислава Григорьевича. Уже будучи тяжело больным, он с жадным, ностальгическим интересом знакомился с новыми вышедшими монографиями по хаттскому языку, которые я привозил в Абхазию. Было очевидно, что вся эта проблематика трогает его за живое, что она рождает в нем, как я полагаю, воспоминания о прошлой жизни в качестве успешного ученого-востоковеда, и мысли о том, какой прихотливой и непредсказуемой оказалась его собственная судьба.

Статьи Владислава Ардзинба, их аргументация и выводы, внесли свой важный вклад как в анализ структуры хаттского языка, так и в проблему выявления его возможных кавказских связей. Благодаря этим трудам, а также работам И. Дунаевской, Вяч. Вс. Иванова, польских лингвистов Яна Брауна⁴¹ и Петра Тарахи⁴² мы сейчас можем с большей долей уверенности утверждать о возможности генетической связи между хаттским и западнокавказскими языками. См. также главу о хаттско-западнокавказских структурных и материальных параллелях в моей докторской диссертации «Общезападнокавказский язык», опубликованной в Лейдене в 1996 году,

⁴¹Браун Я. Хаттский и абхазо-адыгский (Hattian and Abasgo-Kerketian) // Rocznik Orientalistyczny. 1994. Т. 49/1. С. 15-23; Браун Я. Хаттский и абхазо-адыгский языки (Экскурс по табл.) // Нартский эпос и кавказское языкознание. The nart epic and caucasology. Майкоп, 1994. С. 352-359.

⁴²Taracha, P. Zum Stand der hattischen Studien: Mögliches und Unmögliches in der Erforschung des Hattischen // Atti del II Congresso Internazionale di Hittitologia a cura di Onofrio Carruba - Mauro Giorgieri - Clelia Mora. Studia mediterranea. 9. Gianni Iuculano Editore. Pavia, 1995; Taracha, P. More on the Hattic Sentence- Building: Does the Category of Tense Exist in Hattic? // Yoël L. Arbeitman (ed.). The Asia Minor Connexion: Studies on the Pre-Greek Languages in Memory of Charles Carter. Leuven: Peeters, 2000.

где подводится итог сделанным ранее сближениям и предлагается ряд новых⁴³.

Западнокавказская аффилиация хаттского языка признается ныне как наиболее вероятная⁴⁴, хотя, конечно же, по данному вопросу имеются и иные мнения⁴⁵. И одним из пионеров данного направления науки по праву считается выдающийся абхазский ученый-востоковед и политический деятель Владислав Григорьевич Ардзинба.

⁴³ Chirikba, V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications, 1996. P. 406-432.

⁴⁴ См. напр.: Charles Burney. Historical Dictionary of the Hittites. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2004. P. 106.

⁴⁵ См.: Soysal, O. Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung. P. 30-33; Kassian, A. Hattic as a Sino-Caucasian language // Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien- Palästinas. Band 41. Münster: Ugarit-Verlag, 2009-2010. P. 309-447.

БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ В. Г. АРДЗИНБА¹

- 1966 Феликс Дзержинский и Абхазия // газ. «Советская Абхазия», май.
- 1966 Ф.Е. Зержинский Апсни // «Апсны Капшь», май 18, ад. 2.
- 1966 Советы и борьба за Советскую власть в Абхазии в 1918 году // Тезисы докладов республиканской конференции студентов и аспирантов-историков, посвященной 45-летней годовщине победы Советской власти в Грузии. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, с. 9-10.
- 1966 Форум молодых историков // газ. «Советская Абхазия», 26 марта.²
- 1969 О происхождении некоторых элементов хеттской социальной структуры // АН СССР, Институт востоковедения. Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников (тезисы). Москва.
- 1970 К вопросу о хеттском царе и «царице-матери» // Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухумского государственного педагогического института им А.М. Горького. Сухуми: Алашара, с. 86-107.
- 1971 Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва.
- 1971 Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения). Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. Москва: Академия наук СССР, 28 с.
- 1971 Придворные титулы хаттского происхождения и функции соответствующих им должностных лиц // Академия наук Грузинской ССР. Отделение общественных наук. V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. 6-9 апреля 1971 г. Тезисы докладов. Тбилиси, с. 78-80.
- 1971 К вопросу о титулах и ритуальных функциях DUMU É.GAL и lúME-ŠE-DI // Древний Восток. Сборник в честь 70-летия М.А. Коростовцева. Вып. 1. Москва.

¹ Библиография составлена В.А. Чирикба.

² Сообщение о республиканской конференции студентов и аспирантов-историков в Тбилиси, посвященной 45-летию установления Советской власти в Грузии, где выступал В. Г. Ардзинба.

- 1972 Ажэытэзатэи Апсны атоурых атцаара иазку аусумта // «Алашара», № 6.
- 1972 Аинтерес здоу аптамта // газ. «Апсны капшь», № 84, 28 апрель.³
- 1973 [Рецензия на кн.:] Otten H. und V. Souček. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar (StBoT, H.8). Wiesbaden, 1969 // «Вестник древней истории», № 3, с. 198-207.
- 1973 Придворные титулы хаттского происхождения и функции соответствующих им должностных лиц // Вопросы древней истории. Тбилиси.
- 1974 Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages // «International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder», Budapest, 23-25. April 1974. Zusammenfassung der Vorträge (Assyriologica 1), p. 10-15.
- 1975 Двоичные символы в хеттских ритуальных текстах и функции хеттских придворных // Древний Восток. Сборник 1. К семидесятипятилетию академика М. А. Коростовцева. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 262-272.
- 1975 [Рецензия на кн.:] Haas, V. Der Kult von Nerik. ("Studia Pohl" 4), Roma, 1971 // «Вестник древней истории», № 1, с. 176-185.
- 1976 К исследованию древней истории Абхазии (в связи с выходом книги Ш. Д. Инал-ипа «Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования)», Сухуми, 1971, 312 с.) // «Алашара», 1976, № 6 (на абхазском языке).
- 1977 Заметки к текстам хеттских ритуалов // «Вестник древней истории», № 3, с. 118-132.
- 1977 [в соавторстве с Э. А. Грантовским] Этапы этнической и политической истории абхазов [О кн. «Вопросы этнокультурной истории абхазов (Сухуми, 1976)»] // «Советская Абхазия», 4 января⁴.
- 1979 Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. Вып. III. История и филология стран Древнего Востока. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 26-37.
- 1979 К анализу хеттских «царских» праздников (EZEN) // «VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвящённая памяти академика В. В. Струве» (2.II.1889-15.IX.1965). Москва, 6-9 февраля 1979 г. Тезисы докладов. Москва.
- 1981 Хеттский праздник хассумас // «Вестник древней истории», № 4, с. 87-96.

³ Рецензия на кн: Е. П. Алексеева. «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии». Москва: «Наука», 1971.

⁴ На абхазском языке: Апсуаа ретникатэи рполитикатэи тоурых аетапкэа // "Апсны Капшь", ианвар 4, 1977, ад. 2-3.

- 1982 Ритуалы и мифы древней Анатолии. Москва: Наука, 252 с.
- 1982 Хеттский строительный ритуал // «Вестник древней истории», № 1, с. 109-119.
- 1982 On the Structure and the Functions of Hittite Festivals // *Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien. ("Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients", 15)*. Berlin, p. 11-16.
- 1983 О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. Послесловие // Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии (*The Hittites and Their Contemporaries in Asia Minor*, 1975). Пер. с англ. Отв. ред. и автор послесловия В. Г. Ардзинба. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», с. 152-180.
- 1984 Хурритский рассказ об охотнике Кесси // Кавказско-ближневосточный сборник. Вып. VII. Тбилиси, с. 61-73.
- 1985 Некоторые проблемы наследия хаттов в традиции Хеттского царства // И. В. Бромлей (ред.). Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Ленинград: Наука, с. 73-77.
- 1985 Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. Москва: Наука, с. 128-168.
- 1985 Ритуалы и мифы древней Анатолии. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Тбилиси, 34 с.
- 1986 The Birth of the Hittite King and the New Year (Note on the *Ḫaššumas Festival*) // "Oikumene. Studia ad Historiam Antiquam Classicam et Orientalem Spectantia" (Yearbook of the economic and social history of the ancient world). Vol. 5. Budapest: Akadémiai Kiadó Zrt., vol. 5, p. 91-101.
- 1987 Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний // Труды Абхазского государственного университета. Т. V. Сухуми, с. 131-135.
- 1987 Послесловие // О. Р. Гёрни. Хетты. Перевод с англ. Н. М. Лозинской и Н. А. Толстого. Послесловие В. Г. Ардзинба. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», с. 192-222.
- 1987 Хеттское царство // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. Авт. коллектив: В. А. Якобсон, И. А. Стучевский, В. Г. Ардзинба. Отв. ред. И. А. Стучевский. — Академия наук СССР. Институт востоковедения. Москва: Наука, с. 90-130.
- 1988 Хеттская культура, религия и искусство // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. Ред. Г. М. Бонгард-Левин. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», с. 152-172.
- 1988 К истории имени, функции и образа общезападнокавказского бога-кузнеца // Медные рудники Западного Кавказа II-I тыс. до н.э. и

- их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкапсарского полевого археологического семинара (Сухуми–Башкапсара, 1988 г.). Сухуми, с. 62-64.
- 1988 К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. LXXX. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», с. 263-306.
- 1988 Из наблюдений над § 168 хеттских законов // ŠULMU: Papers on the Ancient Near East Presented at International Conference of Socialist Congress (Prague, Sept. 30 — Oct. 3, 1986). Praha, с. 1-18.
- 1989 Цивилизации древней Малой Азии // Древние цивилизации. Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. Москва: Мысль, с. 117-131.
- 1989 Апсуа наука иахьатәи атагылазашьей уи арҭиара ахьрхарта хадакәи // «Алашара», № 3.
- 1989 Абызшәа шьатамырзгоуп // «Алашара», № 4.
- 1989 Выступление на Первом съезде народных депутатов СССР // газ. «Правда», 4 июня.⁵
- 1989 (?) Равноправие «больших» и «малых» (рукопись, 11 стр.).
- 1989 Свою задачу вижу в объединении усилий // газ. «Советская Абхазия», 23 марта.
- 1991 On the Structure and the Functions of Hittite Festivals // Horst Klengel and Werner Sundermann (eds.). Egypten, Vorderasien, Turfan: Probleme der Edition und Bearbeitung altorientalischer Handschriften: Tagung in Berlin, Mai 1987 (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, 23), Berlin: Akademie Verlag.
- 1991 Отзыв о диссертации Р. С. Арутюнян «Домашняя жизнь хеттов /Хеттские представления и обряды, связанные с домом/», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук (машинопись, 3 стр.).
- 1991 [в соавторстве с В. А. Чирикба] Введение. Происхождение абхазского народа // История Абхазии. Учебное пособие. Сухум: Алашара, с. 5-12.
- 2000 (?) Отзыв на диссертацию А. Б. Крылова «Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–1999 гг.)».⁶
- 2006 Приметы образа «пастуха» абхазских нарских сказаний // Абхазоведение. Язык. Фольклор. Литература. Вып. II. Сухум, с. 128-137.

⁵ Перепечатано в газ. «Бзыбь», 6 июня 1989 г.

⁶ https://rummuseum.ru/lib_a/ardz_krylov.php.

- 2010 Eskiçağ'da Anadolu Ayinleri Ve Mitleri. — SSCB Bilimler Akademisi Doğubilim Araştırmaları Enstitüsü. Ankara, 357 с.7
- 2011 Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба. 1992–2005. Сухум: Фонд первого Президента Республики Абхазия, 640 с.
- 2011 Historical and legal relationship between Georgia and Abkhazia // Ardzinba and his Motherland. Sukhum, 2011, p. 36-39.
- 2015 Цивилизации Древней Малой Азии // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, с. 27-47.
- 2015 Ритуалы и мифы древней Анатолии // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, с. 48-364.
- 2015 Хеттская культура, религия и искусство // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 13-28.
- 2015 К вопросу о хеттском царе и «царице-матери» // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 29-55.
- 2015 The Birth of the Hittite King and the New Year (Note on the Ҳаššumas Festival) // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 56-73.
- 2015 Хеттское царство // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 74-130.
- 2015 Двоичные символы в хеттских ритуальных текстах и функции хеттских придворных // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 131-145.
- 2015 Хеттский праздник хассумас // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 146-163.
- 2015 Хеттский строительный ритуал // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 164-185.
- 2015 Заметки к текстам хеттских ритуалов // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 186-216.
- 2015 Из наблюдений над § 168 хеттских законов // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритоология. Москва – Акэа, с. 217-233.

⁷ Турецкий перевод книги В. Г. Ардзинба «Ритуалы и мифы Древней Анатолии».

- 2015 О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 234-267.
- 2015 Послесловие к книге О. Р. Гёрни «Хетты» // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 268-310.
- 2015 Рецензия на: Н. Otten und V. Souček. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar («Studien zu den Boğazköy-Texten», Ht 8, Wiesbaden, 1969, 136 с.) // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 311-334.
- 2015 Рецензия на: V. Haas. Der Kult von Nerik. (“Studia Pohl” 4), Roma, 1971, 341 с. // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 335-354.
- 2015 Хеттские цари и их соседи // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 355-578.
- 2015 Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения) // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 581-606.
- 2015 Некоторые проблемы наследия хаттов в традиции Хеттского царства // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 607-615.
- 2015 Придворные титулы хаттского происхождения и функции соответствующих им должностных лиц // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 616-617.
- 2015 Хурритский рассказ об охотнике Кесси // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Акэа, с. 618-634.
- 2015 Нартский сюжет о рождении героя из камня // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 11-81.
- 2015 Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 82-91.
- 2015 К истории имени, функции и образа общезападнокавказского бога-кузнеца // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 92-94.

- 2015 К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 95-154.
- 2015 Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 155-173.
- 2015 Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 174-179.
- 2015 [в соавторстве с Э. А. Грантовским] Этапы этнической и политической истории абхазов // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 180-187.
- 2015 [в соавторстве с В. А. Чирикба] Происхождение абхазского народа // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 188-199.
- 2015 Из прошлого и настоящего села Эшера // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 200-220.
- 2015 Ажэытэзатэи Ацсны атоурых атцаара иазку аусумта // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 221-232.
- 2015 К исследованию древней истории Абхазии (в связи с выходом книги Ш. Д. Инал-ипа «Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования)», Сухуми, 1971, 312 с.) // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 232-251.8
- 2015 Перспективы и проблемы развития Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, с. 252-272.9
- 2018 Моя жизнь. Воспоминания. Сухум: Фонд первого Президента Республики Абхазия, 455 с.

⁸ Русский перевод статьи 1972 г. «Ажэытэзатэи Ацсны атоурых атцаара иазку аусумта» (ж. «Алашара», № 6).

⁹ Русскоязычный вариант статьи 1989 г. «Ацсуа наука иахьатэи атагыла-заашьей уи арѣиара ахырхарта хадакэеи» (ж. «Алашара», № 3).

ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ

- Точка зрения на некоторые острые проблемы // Газ. «Советская Абхазия», 21 сентября 1989 г.
- Статус преткновения. Откуда проистекают многие беды автономий // газ. «Союз», № 14, апрель 1990 г., с. 6.
- Решать надо народам // Красная звезда, 10 апреля 1991 г. (Перепечатано в газ. «Советская Абхазия», 16 апреля, 1991 г.).

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ НА РАБОТЫ В. Г. АРДЗИНБА

- Антонова Е. В. (рец. на кн.:) В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 // «Народы Азии и Африки», № 2, 1983, с. 198-202.
- Антонова Е. В. (рец. на кн.:) В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 // «Общественные науки», № 2, 1984 (резюме на англ. и немец.).
- Антонова Е. В. (рец. на кн.:) В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, с. 378-387.
- Баюн Л. С., Дандамаев М. А. (рец. на кн.:) В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 // «Вестник древней истории», № 2 (164), 1983, с. 162-166.
- Баюн Л. С., Дандамаев М. А. (рец. на кн.:) В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982 // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, с. 367-377.
- Гиоргадзе Г. Г. Рецензия на диссертационную работу В. Г. Ардзинба «Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения)». (20.V.1971 г., машинопись, 14 стр.).
- Денисенко Н. П. Отзыв на монографию В. Г. Ардзинбы «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (М., 1982), представленную в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (3 декабря 1985 г., машинопись, 6 стр.).
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ специализированного совета Д.057.03.15 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, по специальности «Всеобщая история», Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета о научном и практическом значении монографии Ардзинба В. Г. «Ритуалы и мифы

древней Анатолии», представленной в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, по специальности 07.00.03 – Всеобщая история. Проект (машинопись, 4 стр.).

Кожин П. М. [отзыв на кн.:] В. Г. Ардзинба «Ритуалы и мифы древней Анатолии». М. 1982 (8.XII.82, машинопись, 7 стр.).

Кошеленко Г. А. Отзыв на монографию Ардзинба Владислава Григорьевича «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (М., 1982), представленную в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (машинопись, 10 стр.).

Материалы обсуждения монографии В.Г. Ардзинба «Ритуалы и мифы древней Анатолии». Протокол № 7 заседания Отдела Древнего Востока Института Востоковедения АН СССР от 24 мая 1984 г. // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, с. 388-405.

Моисеева Т. А. Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Ардзинбы Владислава Григорьевича по теме: Ритуалы и мифы древней Анатолии. Отзыв утвержден на заседании кафедры археологии и истории Древнего Мира Воронежского Госуниверситета 22 ноября 1985 г., протокол № 5 (22 ноября 1985 г., машинопись, 4 стр.).

Пиотровский Б. Б. Отзыв на автореферат диссертации Ардзинба В. Г. «Ритуалы и мифы древней Анатолии», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук (18.XI.85, машинопись, 2 стр.).

Пиотровский Б. Б., Смагина Е.Б. Постановление и заключение Отдела Древнего Востока о рекомендации монографии В.Г. Ардзинба «Ритуалы и мифы древней Анатолии» к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Выписка из протокола № 7 заседания Отдела Древнего Востока Института Востоковедения АН СССР от 24 мая 1984 г. (машинопись, 7 стр.).

Шеворошкин В. В. Отзыв о диссертации В. Г. Ардзинбы «Хатские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хатского происхождения)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук (27-5-1971, машинопись, 6 стр.).

Юсифов Ю.Г. Отзыв на монографию Ардзинба Владислава Григорьевича «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (М., 1982), представленную в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (16.XII.1985, машинопись, 10 стр.).

Haase, R. [Review of:] V. G. Ardzinba. Ritualy i mify Drevnej Anatoli // "Aula Orientalis", Barcelona, No. 2, 1984, p. 158-159.

ПУБЛИКАЦИИ О В. Г. АРДЗИНБА

- Аджинджал Е., В.Г. Ардзинба — доктор исторических наук // газ. «Советская Абхазия», 25 ноября 1986 г., с. 4.
- Аламия Г. Ш. Эпоха Ардзинба. Стамбул, 2009.
- Библиография опубликованных трудов В. Г. Ардзинба. Составитель В.А. Чирикба // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, 2015, с. 297-301.
- В.Г. Арзынба – атоурыхтэ наукакэа дрдокторуп // “Апсны Капшъ”, 28 ноября 1986, ад. 4.
- Вяткин А.Р., Чирикба В.А. Вступительное слово // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, 2015, с. 8-10.
- Зантария В. К. Слово о Первом Президенте. Документально-публицистический очерк. Размышления и воспоминания современников. Сухум, 2014.
- Иванов, Вяч.Вс. В. Г. Ардзинба как учёный // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Акэа, 2015, с. 11-24.
- Памяти Владислава Ардзинбы (1945–2010) // «Вестник древней истории». 2010, № 3, с. 234–235.
- Хагба К., Джикирба Г. Фотоальбом. Владислав Ардзинба. Сухум: diGraphic, 2008.
- Хагба К., Зантария В. Наш Владислав. Сухум: diGraphic, 2010.
- Чирикба В. А. Научное наследие Владислава Григорьевича Ардзинба // Материалы первой международной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум: АБИГИ, 2011.
- Чирикба В. А. Научное наследие Владислава Григорьевича Ардзинба // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, 2015, с. 275-294.
- Alamia, Ghennady. Stars burn out, to continue in the light // Ardzinba and his Motherland, p. 4-21.
- Ardzinba and his Motherland. Sukhum, 2011, 120 p.
- Argun, Irfan. The one who saved us from losing the Motherland, hero of the heroes Vladislav Ardzinba! // Ardzinba and his Motherland, p. 26-28.
- Chirikba, Viacheslav. Vladislav Ardzinba // Ardzinba and his Motherland, p. 40-45.
- Djergheenia, Svetlana. A tough happiness // Ardzinba and his Motherland, p. 108-109.
- Hewitt, George. Vladislav Ardzinba // Ardzinba and his Motherland, p. 46-51.

- Krylov, Alexander. A politician from the category of “inconvenient” // Ardzinba and his Motherland, p. 100-101.
- Lakerbay, Yury. Chosen by God – Elected by Nation // Ardzinba and his Motherland, p. 56-64.
- Markedonov, Sergei. Charisma and complications: the Legacy of Abkhazia’s founding Father // Ardzinba and his Motherland, p. 67-72.
- [Vyatkin A.R.] Summary // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов в трех томах. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. Москва – Акэа, 2015, с. 310-319.

У дольмена в с. Уатхара. 1981 г. Слева направо: Владислав Ардзинба, Вячеслав Чирикба, Лаша Когония, Алик Габелия, Вадим Бжания.
Фото Демура Бжания. Архив В. Чирикба

На раскопке дольмена в с. Хуап, 1982 г.
 Слева направо: Леварс Бутба, Владислав Ардзинба

На ежегодном собрании абхазской диаспоры в Москве, гостиница Россия, 4 марта 1983 г. На фото: Владислав Ардзинба, Фазиль Искандер, Вадим Пилия и др. *Архив В. Чирикба*

На похоронах Андрея Сахарова.
Депутаты Съезда народных депутатов: Владислав Ардзинба, Алексей Гогоу, Вячеслав Вс. Иванов, Руслан Аршба. 18 декабря 1989 г.

На международной конференции Европейского общества кавказоведов, Лондон, 1990. Слева направо: Борис Джонуа, Нелли Аршба, Заира Хибя, Сария Амичба, Владислав Ардзинба, Вячеслав Чирикба. *Архив В. Чирикба*

Среди абхазской диаспоры в Лондоне, 1990 г. Слева направо, стоят: Владислав Ардзинба, Энгин Ащхараа, Нелли Аршба, представительница диаспоры, Сария Амичба, Заира Хибя, Фелиз Ажиба; сидят: Вячеслав Чирикба, Борис Джонуа, представители диаспоры

Выступление Владислава Ардзинба на церемонии провода северокавказских добровольцев. Гудаута, июль 1993 г. Фото В. Чирикба

В кабинете Председателя Верховного Совета Абхазии в Гудауте, июль 1993 г. Справа налево: Владислав Ардзинба, Митхад Агуасба, Сократ Джинджолия, Зураб Ачба, Вячеслав Чирикба. Архив В. Чирикба

В кабинете Председателя Верховного Совета Абхазии в Гудауте, июль 1993 г. Владислав Ардзинба, активист абхазской диаспоры Митхад Агуасба, Вячеслав Чирикба. *Архив В. Чирикба*

Пресс-конференция Владислава Ардзинба для международных дипломатов в офисе ООН во Дворце Наций в Женеве. Слева направо: Майкл ван Валт ван Прааг (советник делегации Абхазии, генеральный секретарь Организации Непредставленных Наций и Народов), Вячеслав Чирикба, Анри Джергения, Сократ Джинджолия, Владислав Ардзинба, Лиана Кварчелия, Станислав Лакоба. 1994 г. *Архив В. Чирикба*

Встреча В. Ардзинба
в Женеве с представителями
абхазской диаспоры Европы,
1994 г. Присутствуют также
А. Джергения и В. Чирикба.
Архив В. Чирикба

На переговорах
в Женеве, 1994 г.
В. Ардзинба, В. Чирикба.
Архив В. Чирикба

Владислав Ардзинба, руководитель Татарстана Минтимер Шаймиев и Станислав Лакоба на международной конференции во Дворце Мира в Гааге, Нидерланды. 1995 г. Фото В. Чирикба

Интервью Владислава Ардзинба голландскому телевидению во время международной конференции во Дворце Мира в Гааге, Нидерланды. 1995 г. Фото В. Чирикба

Пресс-конференция Владислава Ардзинба в офисе Организации
Непредставленных Наций и Народов (UNPO) в Гааге (Нидерланды).
Сократ Джинджолия, Вячеслав Чирикба, Владислав Ардзинба, Майкл ван
Валт ван Прааг (генеральный секретарь ОННН)

Пресс-конференция Владислава Ардзинба в офисе Организации
Непредставленных Наций и Народов (UNPO) в Гааге (Нидерланды).
1995 г. *Архив В. Чирикба*

Владислав Ардзинба у пруда
в парке Дворца Мира в Гааге (Нидерланды).
1995 г. Фото В. Чирикба

Встреча Владислава Ардзинба во Дворце Наций ООН в Женеве с Представителем Генсека ООН по грузино-абхазскому конфликту Ливиу Бота, с личным переводчиком Анной Керопян. Женева, 1997 г.

Встреча Владислава Ардзинба в Офисе Верховного комиссара ООН по делам беженцев Садако Огатай, с личным переводчиком Анной Керопян. Женева, 1997 г.

В семье Владислава Ардзинба. Слева направо: Алхас Аргун,
Светлана Джергения, Владислав Ардзинба, Мадина Ардзинба,
Вячеслав Чирикба. *Архив В. Чирикба*

Владислав Ардзинба с супругой Светланой Джергения.
Фото В. Чирикба

Владислав Ардзинба с известным кавказоведом профессором Джорджем Хьюиттом и с Вячеславом Чирикба. *Архив В. Чирикба*

С дорогим Владиславом Ардзинба

Некоторые проблемы этногенеза абхазского народа (V в. н. э. — VIII в. н. э.)

1 Абхазский язык и его гене-
тические связи

Чирикба | а) Абх.-адыг. языки → Сев.-кавк.
языки

Ардзинба | б) Хатско-абх.-адыг. ; Урр-урр-
вост.-кавк. ; Этрасский и баск-
ский

II Проблема шародини и путей миграции народов Сев.-кавк. семьи языков

Ардзинба | а) культурная лексика
Чирикба | б) лексика, отражающ. геогр. реалии
в) контактная лексика (траиндоевр.-
прасеверокавк. ; пракартв. — восточ-
но-кавказская)
г) историческая топонимия Причерно-
морья

Ардзинба | д) данные арх. антропологии
е) археологич. памятники (майкоп-
ская культура, дольменная куроу-
ра, колхидская, кабанская куро-
тура)

Набросок рукой В.Г. Ардзинба планируемых разделов совместной
с В.А. Чирикба монографии об этногенезе абхазского народа

Структура

История Абхазии

1. Введение (Цель и задачи работы)
2. Источники и историография
3. Абхазский язык — ~~язык~~ как
основной источник информации
в древнейшей истории ^(и этногенеза) абх. этноса.
 - а) генетические связи абх. языка
(праабхазо-адиг., чукотск.
прасеверокавказск.)
 - б) внешние связи абх. языка
и родственных
 - в) праязыки и диалекты
4. Материальная ~~культура~~ ^{культура} духовная
культура Абхазии по данным
археологии
5. Традиционная культура абхазов:
ее истоки. ~~ее истоки~~
6. ^(ранних) Абхазский этнос в свете
научных исследований.